

Часть вторая

Впечатления об увиденном

***Всматриваясь
в прошлое и настоящее,
личное и общественное***

Содержание второй части

<i>Глава 1</i>	<i>До войны и во время</i>	113
Река эвакуации.....		113
Начало войны		113
Пермь, Челябинск		115
Быт на Алтае.....		116
Реки Алтая		117
Игры и высота.....		120
Картошка и поросёнок.....		121
Натуральный обмен		122
Назад в Москву.....		123
Жильё.....		124
Дом и квартира		125
Теснота.....		126
«Ах, война, что ты, подлая, сделала».....		128
Шуркины котлеты.....		129
Страх		129
		109

Глава 2 О спектакле и писателях с благодарностью..... 133

Под впечатлением от спектакля «Пять вечеров»	133
Обстановка.....	133
Спектакль.....	135
Вскоре и потом	137
В защиту российских писателей	138
Духовный человек громит интеллектуала	138
Низвержение Эренбурга.....	140
Труды Эренбурга.....	144
Два суждения о классиках.....	146
Эренбург о классиках	147
Классики и читатели	148
Творение и его автор.....	149
Сохранить бы авторитеты	150

Глава 3 Российские проблемы: откуда и куда..... 151

Мои Ленин и Сталин.....	151
Отношения с ними	151
Учитель истории	153
Поступление в институт	154
Свидание со Сталиным и его смерть.....	155
Личные свойства вождей.....	156
Их цели.....	159
Централизация и война.....	161
Крах постройки	163
Приход ясности	164
Заключение	166

Россия – между Востоком и Западом,	
между прошлым и будущим.....	167
Немного истории.....	167
Современная проблема.....	168
Россия на карте Евразии.....	170
Сопоставления.....	171
Перспектива закрытости страны	173
Модернизация западного типа.....	174
Итог	176
Добавление	176
Ещё добавление.....	177
<i>Глава 4 Отклики на сегодняшние события</i>	179
Уважение и неприязнь	179
Введение.....	179
Неприязнь к евреям.....	181
Антисемит.....	183
Из личного опыта.....	185
Плохи ли евреи?	187
Противодействие.....	189
От Крыма к мировому кризису	189
Драмы Крыма	190
Подход к кризису	192
Цели России.....	194
Противодействие Запада	195
Лидер России	196
О поступках по закону или по понятиям	198
К краху мировой системы безопасности.....	202
Добавление	204

В главе 1 данной части книги представлены воспоминания о коммунальной квартире, жизнь в которой закончилась для автора 1955 году, и о скитаниях в эвакуации с 1941 по 1943 год во время войны.

Затем в главе 2 следуют воспоминания о том сильнейшем впечатлении, которое в 1959 году получил автор от спектакля «Пять вечеров» и связанных с ним обстоятельств. Во втором разделе этой же главы содержится полемика относительно неуважительного отношения к российским писателям.

Два раздела главы 3 написаны из потребности понять обстоятельства, кажется, главные для судьбы России в прошедшем веке и теперь.

И наконец, два раздела главы 4 являются откликом на совсем современные события, на них нельзя не обратить самого пристального внимания: их результат ещё в тумане, но из него выступают контуры очень печального будущего.

Даже в таком фрагментарном описании давних и современных событий и обстоятельств можно заметить их взаимосвязь – не будь такого прошлого, не было бы столь беспокоящего настоящего и не возникло бы, того гляди, ещё худшее будущее.

Глава 1

До войны и во время

Река эвакуации

Не мной замечено, что отдельные периоды жизни откладываются в памяти различно: в одни годы как будто не было никаких событий, а другие переполнены яркими картинами и впечатлениями. Обычно они группируются вокруг несчастных обстоятельств и реже связаны с радостями. Замечательно у А.Блока:

Рождённые в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забыть не в силах ничего.

Тут дело, наверное, не только в глубине переживаний: несчастье может давить долго, а счастье быстро. В России ярчайшие воспоминания нескольких поколений связаны с войной 1941-45 годов. И я – не исключение, хотя к началу этой войны мне исполнилось всего девять лет и хотя настоящего военного ужаса я не испытал и подлинного голода не переживал.

Описывая обстоятельства эвакуации, которые наблюдал в детстве, я не утешаю и некоторых связанных с ними впечатлений, непосредственно детских, а иногда и современных. Записи ограничиваются, в основном, только бытовой стороной жизни; эта сторона затронула меня, ещё ребёнка, впрямую, но являлась всего лишь маленьким осколком всем известных громадных событий второй мировой войны, к которым было приковано и моё, детское, внимание.

Начало войны

Итак, на 22 июня 1941 года мои родители заказали такси-грузовик для переезда на подмосковную дачу, которая была заранее снята у реки Клязьма в посёлке Загорянка по Ярославской железной дороге. С утра, пока взрослые собирали вещи, меня отправили с большим бидо-

ном в лавку, что напротив моей школы на 2-ой Тверской-Ямской, за керосином для готовки на даче. Немного погодя выслали на эту улицу, чтобы показал шоффёру, как заехать во двор к нашему «чёрному ходу». Я там долго торчал, грузовика всё не было, и я вернулся домой сказать об этом. Родители напряжённо слушали радио, я прислушался тоже, Молотов пообещал, что «победа будет за нами». Родителям стало ясно, что грузовика ждать больше нечего. Из окна увидели, как по улице Горького в сторону Белорусского вокзала двигались орудия на конной тяге, проходили отряды красноармейцев. Мама послала меня наискосок через улицу Горького в гастроном купить пару батонов. Я это сделал, из них получились сухари, и большую часть войны они, передвигаясь вместе с семьёй, служили при желудочных недомоганиях.

На следующий день, в понедельник, отец звонил с работы из своего института «Гипроцветмет» и спрашивал нас, правда ли, что по радио сообщили о взятии Красной армией Варшавы.

В июле два раза объявляли воздушную тревогу, и мы прятались в газоубежище, ещё до войны переоборудованном из дореволюционной общественной прачечной в подвале нашего пятиэтажного дома. Слышны были взрывы снаружи, дом трялся, было очень страшно. К счастью, обе тревоги оказывались учебными.

А первый настоящий воздушный налёт москвичи пережили в ночь после нашего отъезда, с 23 на 24 июля. Но пережили не все.

В июле народ стал покидать город, а к нам стали заявляться общественники, все более решительно требуя, чтобы ребёнка, т.е. меня, срочно вывезли, иначе они его эвакуируют принудительно. Мои родители боялись и немцев, и общественности. И тут подвернулось предложение папиной сестры Доры ехать с ней и её сыном Зареком, который был ещё меньше меня, в город Молотов (Пермь), где у неё были знакомые. Родители согласились: мама отправится со мной и с моим старшим братом, а отец, естественно, останется работать в своём институте. Мама воспринимала этот отъезд драматически, поднимаясь за руку со мной по ступеням Ярославского вокзала, она не раз, едва не плача, спросила меня: «Может не ехать?» Предстоящее было мне интересно, и я отвечал, мол, почему не поехать, мы же скоро вернёмся.

Мама со мной притулилась на боковой полке, брат, ничего ей не сказав, устроился и заснул на какой-то из третьих полок, она в поисках металась по вагону. Рядом ехали военные люди, они были оживлены, предупредительно ухаживали за своими дамами, опекали и нас;

впоследствии я видел военных такого стиля только в булгаковских «Днях Турбиных».

Пермь, Челябинск

В Молотове жили на окраине города – все впятером в одной комнате частного двухкомнатного дома, хозяева которого таким образом были «уплотнены» нами волей эвакопункта (местный орган, ведавший размещением и постановкой на карточное довольствие эвакуированных). Они относились к нам ровно, хотя это уплотнение не прибавило им любви к власти, которая (любовь), как я заметил, и без того сильно хромала.

В центре Молотова, отстояв большую очередь, ещё можно было купить продукты без карточек.

В конце лета отца отправили в Челябинск проектировать там расширение цинкового завода и выполнять авторский надзор за осуществлением проекта. Он, по профессии инженер-электрик, должен был разработать проектную документацию электроснабжения завода. По дороге он на один день заехал к нам, и вскоре мы отправились вслед за ним в Челябинск.

На вокзал добирались на трамвае, и вещи подвозили в два приёма. С первой порцией оставили меня в длинной очереди к окну багажного отделения. Я уже помаленьку подтянул вещи к окну, а старших все нет, пришлось вещи сдать. Мама потом рассказывала, как была поражена, приехав к вокзалу второй раз, когда увидела меня стоящим у багажного отделения с квитанциями в руке.

Пересадка в Нижнем Тагиле была ужасной: поезд на Челябинск оказался на дальних путях в полной темноте, мы к нему опаздывали, бежали, вещи вываливались из рук, брат приказывал не отыхать...

В Челябинске прожили зиму в комнате общежития. Отец работал, мама тоже поступила на работу (бухгалтером и кассиром той же группы инженеров, членом которой состоял отец), брат и я ходили в школу, он в девятый класс, я в третий. Я приходил из школы первым и жарил на плитке или на керосинке картошку с чайной ложкой постного масла. Картошка хранилась на полу в алькове комнаты – прорастала и постепенно приходила в негодность.

Самые яркие впечатления от этой жизни я получал в уборной в конце коридора – там в полутьме рядом со мной прыгали огромные крысы.

В Челябинске ещё была возможность получить масло или сахар в магазине, причём, насколько помню, что-то даже только за деньги – помимо карточек. Для этого всей семьёй мы ехали на первом утреннем трамвае в центр города, где в гастрономе предполагалась выдача (всей семьёй – потому что давали определённое количество продукта «в одни руки», например, 200 граммов масла). Затем – несколько часов ожидания на улице, пока магазин открывается и дойдёт наша очередь. Наша одежда совершенно не годилась для челябинских морозов, ноги мёрзли сильно. Но эти покупки далеко не покрывали потребность, и отец по воскресеньям брал с собой меня и санки и отправлялся в пригород менять на продукты что-то из одежды, вывезенной из Москвы, или водку, полученную по карточкам.

Весной работа для цинкового завода успешно завершилась, и всю рабочую группу вызвали на воссоединение с отцовским институтом, который к тому времени был уже эвакуирован из Москвы.

Быт на Алтае

Вполне естественно, что институт был эвакуирован в Казахстан: он в связи с войной разрабатывал проекты расширения и реконструкции предприятий цветной металлургии, занимался, в основном, свинцом и оловом, а там много добывали таких руд и выплавляли металла. Однако, не понятно, почему институт оказался вдали от главных источников этих руд, на Северо-востоке Казахстана в предгорьях Алтая.

Там в 1786 году был основан город в связи с тем, что горный офицер Филипп Риддер открыл месторождение полиметаллических руд и заложил рудник Риддерский. Во время первой мировой войны там было образовано поселение военнопленных австро-венгерской армии. Статус города под именем Риддер он приобрёл в 1934 году, а в 1941 году был переименован в Лениногорск и назывался так до 2002 года.

Ещё менее понятно, что институт был размещён не в самом Лениногорске, а на железнодорожной ветке к нему от Усть-Каменогорска – у станции Шушаково (иначе – второй район; чего район – не знаю). Проектной работы было не много, и институт, прореженный мобилизацией в войска и сокращённый переездом, насчитывал, я думаю, вряд ли сто сотрудников.

Ехали мы туда вместе со всей группой, по дороге были пересадки, запомнился Новосибирск. На полу вокзала чуть ли не вплотную друг другу лежали люди, но для ночёвки нашей группы был договорён дру-

гой пол – в довольно чистом частном доме в километре от вокзала. Путь шёл по широкой заснеженной темной улице деревенского вида.

На год с лишним жизни в Шушаково приходятся наиболее яркие впечатления моего детства.

Руководители института жили в небольшом здании бывшей гости-ницы, а сам институт вместе с общежитием остальных сотрудников располагался неподалёку в чуть менее привлекательном одноэтажном бревенчатом здании с двускатными дощатыми крышами, имевшем в плане вид буквы Ш. Входили в торец центральной части, в ней располагались общая кухня с печной плитой на штук восемь конфорок и часть жилых комнат, затем налево – дверь в служебные помещения, а направо – коридор, по обеим сторонам которого двери в жилые комнаты.

Одна из этих комнат была предоставлена нашей семье. В ней у боковых стен стояло по два топчана с матрацами, набитыми соломой, у окна напротив двери помещался стол, у входа слева было какое-то подобие шкафчика.

Три параллельных части здания смотрели на дорогу, за ней – на дощатую уборную для сотрудников, разделённую перегородкой на мужскую и женскую части, затем на широкую пойму реки Ульба, по-росшую кустарником между многочисленными протоками и крупными камнями. За рекой – невысокие горы со склонами, частью пологими, покрытыми мелкой растительностью, и частью, со стороны реки, – обрывистыми каменистыми. Основная же часть здания была обращена к посёлку, железной дороге и за ней к довольно крутой ровной стене горы, по которой двигались вагонетки с рудой. За этой горой вдалеке виднелась снеговая вершина Белухи – самой высокой горы Алтая. Наша комната находилась в правой части здания, и её окно смотрело на пустырь в ту сторону, куда течёт река.

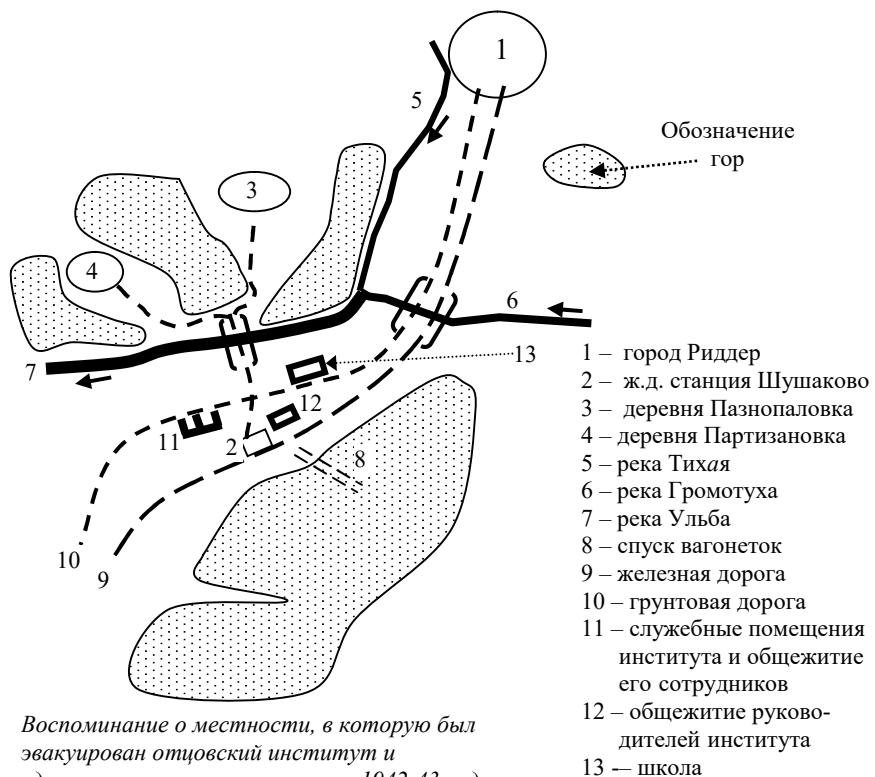
Реки Алтая

Реки занимают большое место в моей жизни, в детстве Ульба, в молодости река Москва, затем надолго Волга.

Ульба образуется выше по её течению в одном-двух километрах от нашего дома впадением слева реки Громотуха в реку Тихая; через 100 км она впадает справа в Иртыш в районе Усть-Каменогорска.

Громотуха названа метко: она с мощным шумом несётся непрерывными широкими перекатами. Река Тихая быстро течёт под скали-

стым обрывом горы по своему глубокому руслу, оставляя поверхность гладкой; от этого потока исходит только слабое шуршанье. Лениногорск расположен на Тихой выше по её течению. Получив воду Громотухи, Тихая перестает отвечать своему названию; она превращается в Ульбу, более полноводную, чем Громотуха, но почти столь же порожистую. Все эти реки – горные, холодные. Бурливая Ульба слишком опасна для купания, в воду ее основного русла я мог только окунуться, держась у берега за камни, но местные ребята постарше прыгали с перил подвесного моста в довольно глубокое и поэтому гладкое место; попав в воду, парень старался изо всех сил, чтобы выгrestи к берегу до совсем близких камней переката.

А в Тихой можно было подольше купаться и даже поплавать, если уметь и притом следить, чтобы не унесло в Ульбу. Я, как и мой брат,

плавать не умел и только стоял по грудь в воде рядом с берегом, упираясь против течения.

Чтобы добраться до Тихой, нужно было пойти по дороге в сторону города, перейти по мосту Громотуху и, взять влево с полкилометра по её течению.

Однажды я участвовал в такой экспедиции вместе со старшим братом Мосей, с его на год более младшим другом Юркой Лимановым и с моим старшим другом Волькой Выголовым.

Юрка стал впоследствии морским офицером-переводчиком и потом долго торчал в глуши не то Чукотки, не то Камчатки, прослушивая американцев. Волька был сыном главного бухгалтера института, но жил отдельно от него со своей матерью, женщиной более тонкой, чем мои родители. Он был старше меня и немного притеснял, например тем, что, шаржируя какую-то сцену из кино, повисал на мне и жалобно-повелительно приговаривал: «Неси раненого комиссара».

После купания старшие решили сократить обратный путь, не делать крюк по мосту, а перейти Громотуху вброд и дальше дойти до дома вдоль Ульбы. Почти у самого слияния с Тихой Громотуха разливается двумя рукавами. Правый, поуже и помельче, я не без труда по пояс в воде перешёл вслед за остальными, но дальше была река, более широкая и бурная. Имели ли старшие понятие о её глубине, помнили ли пословицу «не зная броду, не суйся в воду», – не знаю, но они все трое вошли в реку, и я за компанию двинулся вслед. Они, выбирая на дне камни повыше, и на стремнине все-таки соскальзывая, медленно продвигались поодиночке всё дальше то по грудь, то по шею в воде. Уйдя уже далеко вперёд, они звали меня за собой, размахивая над головами руками с одеждой, и подбадривали криками, еле различимыми за грохотом реки. Когда же вода поднялась мне уже по грудь, я едва мог удержаться на ногах и меня начало сносить. Мои глаза были столь низко над водой, что простор бушующей реки впереди казался безграничным и страшным, а помочи ждать было неоткуда. Преодолев стыд своей трусости, я с трудом выбрался обратно. Что делать, за старшими угнаться я не мог, и побрёл к мосту и дальше домой по дороге.

Так я увидел Громотуху почти с поверхности её воды, а в другой раз она поразила меня видом сверху. Вместе с друзьями я перешёл мост через Ульбу, затем мы пошли направо на гору над рекой, я отడелился от них и ушёл далеко вперёд и выше. Наконец я вышел на край горы и увидел внизу громадную картину слияния Громотухи с Тихой. Стояла ранняя весна, стрежни рек были широко свободны от ледяного

покрова, но с истоков Громотухи спускались большие поля льдин, которые, ударяясь о прибрежный лёд, откалывали от него льдины поменьше и увлекали за собой в Ульбу. Даже наверху было слышно, как грохот ударов накладывался на обычный рёв воды. Открывшийся простор и разворачивающиеся на нем торжественные события были несопоставимы со мной, ещё небольшим парнем, выросшим в совсем других впечатлениях; это могучее неостановимое движение завораживало, не позволяло отвести взгляд. Эта картина глубоко и чувственно осела в моей памяти, потом много лет я воспроизводил её во сне с восторженным ужасом.

Игры и высота

В то время я увлечённо выстругивал из досок корабли и шпаги. В корабль я вставлял мачту, на мачту через две дырки надевал бумажный парус и мечтательно любовался своим очередным произведением. Пытался даже пустить его в плавание в какой-нибудь заводи в пойме Ульбы. Шпага же служила оружием для фехтования с Волькой или ещё с кем-то из сверстников-сыновей сотрудников отца. Шпага быстро ломалась, и я выстругивал новую. Для этого служил наш тупой столовый нож – других инструментов не было, как и каких-либо игр.

Летом моя компания развлекалась или в пойме Ульбы, или на чердаке нашего дома, или под домом. У реки перебирались через протоки, перепрыгивая с камня на камень, в этом деле я был расчётлив и достиг хорошего умения. Можно было ползать по деревянным переплётам под мостом, разглядывая, как внизу бурлит река. Дом тоже предоставлял много приключений. Руководство института озабочилось обеспечить сотрудников погребами для хранения их картофеля. Для этого под домом прорыли траншею, позволяющую идти в рост даже взрослому, а от неё сделали ответвления под каждую из комнат общежития. Извивы траншей и почти полная темнота делали подпол идеальным, хотя и грязноватым местом для исчезновений и поисков. Чище и удобнее было на чердаке, который был утеплён толстым слоем опилок.

Однажды, набегавшись по чердаку, я оказался на крыше и собрался спуститься к приставной лестнице, ведущей вниз от чердачного окна, чтобы присоединиться к маме и брату, которые беседовали внизу на лавочке. Для этого я сел на крышу и стал ползти на заднице вдоль стенки чердачного окна. К своему ужасу я почувствовал, что движение вниз происходит помимо моего желания и, хотя я упираюсь в дос-

ки и ногами и руками, медленное соскальзывание по гладкой крыше не останавливается, а мои попытки что-то предпринять только ускоряют дело. Тогда я стал орать маме и брату. Они не сразу услышали, а когда поняли в чем дело, брат поднялся по лестнице к крыше и перетянул меня рукой к лестнице. Вероятно, этот случай поселил во мне страх высоты, который сохранился на всю жизнь.

Картошка и поросёнок

Забота о служащих не ограничилась траншем к картошке, она вообще была удивительно разносторонней, позже я такого не видел. Для своих сотрудников институт получил целое поле под картошку на той стороне реки на пологом склоне горы слева от дороги к деревне Пазнopalовка. Это поле весной 1942 года вспахали трактором и каждой семье выделили длинную делянку для дальнейшей самостоятельной обработки. Мы уместили на ней гнёзд по 15 в ряду, а рядов 20-30. Нам дали лопату, грабли и тяпку. Я не столько копал, сколько закладывал в лунки куски картофелин с глазками, окучивал и осенью выбирал по несколько картофелин из под лопаты. В результате собрали несколько мешков картофеля (обычно килограмм по 50), и их на институтской подводе перевезли домой и ссыпали под свою комнату.

В это же время институт раздал каждой своей семье по маленькому поросёнку и прямо перед домом построил свинарник. В нем одну конуру занял наш Петька. Поскольку отец был на работе, мама подолгу лежала с кровотечением, а брат был или на военной службе или в своих более взрослых делах, многие заботы по дому легли на меня, и за Петькой обычно ходил я. Я чистил конуру, мыл и выпускал гулять Петьку, собирая для него лебеду и крапиву, варил это, если повезет, – с картофелем или с отрубями, выносил ему таз с таким супом, звал его, и он радостно прибегал кормиться. Он вырос из маленького существа до довольно большого сообразительного животного и, в сущности, считал меня своим вождём и другом. И когда поздней осенью настала пора его зарезать, я смотрел с ужасом, как приглашённый мужик привёз его, зарезанного у свинарника, в нашу комнату и на полу разделывает тушу. За свою работу он взял голову и шкуру.

Мама всегда была запасливой и, в этом случае, попыталась сохранить мясо на длинную зиму. Но пристроить его в хороший ледник не удалось, и в ближайшую оттепель уже размороженное мясо пришлось засолить, дальше от него было мало толку.

Натуральный обмен

Кроме картошки, получали по карточкам хлеб и немного других продуктов (у отца была рабочая карточка, а позже даже ещё более изобильная карточка, называемая не то «Литер А» – ее обладателей называли литераторами, не то «Литер Б», у меня – детская, а остальных двух членов семьи – самые плохие – иждивенческие карточки). Иногда отец получал ордер на приобретение одежды. Сверх этого за отцовскую зарплату почти ничего купить не удавалось: деньги почти ничего не стоили. Торговля между людьми осуществлялась путём натурального товарообмена.

В связи с этим была сочинена песенка на заунывный мотив грузинской песни о поиске возлюбленной девушки Сулико – как известно, любимой песни Сталина:

Полкило я масла искал,
в поисках зашёл далеко,
в Пазнopalовке, в Кедро-о-овке побывал,
но его найти нелегко.
Предложили масла килограмм,
запросили старые штаны,
я подумал и-и-и сказал «Не дам,
ведь штаны у меня одни».
Возвратясь, жене рассказал,
улыбнулась тихо жена
и пока я ти-и-ихо сладко спал,
те штаны сменяла она.

Обменом занималась мама, она ходила со мной по дворам двух деревень на другой стороне реки: Пазнopalовки и Партизановки.

В Пазнopalовке я видел тех кавказцев, которых высыпали сюда в начале 1930-х годов в процессе коллективизации. Хотя они жили бедно, ютились всей семьёй по маленьким домикам, большую часть которых занимали дощатые полати, все же у них уже было какое-то примитивное крестьянское хозяйство. А носильные вещи им было неоткуда взять, и они меняли свои продукты, которые им были тоже совсем не лишними, на наши предпоследние простейшие пожитки. Кавказец внимательно разглядывал предлагаемую мамой вещь, ношеную рубашку, например, и выносил из дома, скажем, блюдце топлёного масла. Теперь погружалась в задумчивость она и так далее – все это почти без слов, так как общего языка не было.

А следующее выселение сюда кавказцев состоялось в 1943-44, годах после нашего отъезда в Москву. Я о нем долго не знал.

Назад в Москву

В Шушакове мама заболела, о чём уже упоминалось в первых двух главах этой части, и, получив пропуска для въезда в Москву, мы уехали, оставив брата, к тому времени уже по болезни демобилизованного, и на него наше картофельное поле. Под зиму и он приехал в Москву.

Наша дорога продолжалась 11 дней. Всю дорогу я торчал в тамбуре или сидел на ступеньках вагона видел вокруг массу интересного. Многие не попали в вагон, стояли, сидели, висели со своими мешками и чемоданами рядом со мной, а многие и на крыше. Видел, как рядом со мной грабитель тянул вниз мешок с вещами с крыши вагона, владелец же мешка, лёжа на крыше, уцепился за уже сползший мешок, пытался не отдать, но – получил ножом по рукам.

Какое-то учреждение в центре Алма-Ата изучило отцовские бумаги и дало нам разрешение на дальнейшее продвижение. Мы прошли обязательный санпропускник (пока люди моются, как в обычной бане, их одежда проходит горячую обработку против вшей). Несчастные стаухи-евреи из Польши за помощью обращались к маме на идиш.

Для едущих в Москву предназначили дореволюционный вагон четвёртого класса, посадку в него объявили прямо перед отходом поезда, и вещи, без различия чьи, закидывали в панике через окна. Но ничего не пропало.

В Куйбышеве (Самара) всех этих пассажиров перевели в дачный вагон, который отвели на запасный путь. Однажды отец пошёл на вокзал набрать воды и, подходя уже к нашему вагону, увидел, что нас вместе с какими-то другими вагонами увозят. Он бросился с бидоном вдогонку, и я, сидя на задней площадке, видел его беспомощное выражение, но помочь ничем не мог, и он отстал. К счастью вагон повезли не в Москву, а лишь на другой запасный путь. Его долго гоняли по разным тупикам, наконец, пассажиры собрали мзду для вокзального начальства, и вагон прицепили к поезду на Москву.

В Москве доехали на телеге от вокзала до дома. В домоуправлении родителям вернули ключ от нашей двери, и обнаружилось, что люди, которых туда вселили в наше отсутствие, отнеслись к жилью аккуратно: мебель сохранилась, сохранились даже патефон, которым отца премировали до войны, и несколько пластинок.

Как только мы вошли в квартиру, появился мой довоенный друг из нашей квартиры Шурка П. Пока родители разбирали привезённые ве-

щи, мы с ним зашли в квартиру напротив за ещё одним другом Толей, и они предложили пойти погулять. Загвоздка была в том, что у меня не было никакой обуви. Они сочли, что и босиком сойдёт, а я привык к этому в Шушаково. Так мы и пошли вниз по улице Горького, дошли до Красной площади, вернулись назад, и я получил первый в Москве нагоняй от мамы – за долгое отсутствие без разрешения.

Началась иная жизнь, тоже бедная, трудная, временами страшная или прекрасная, но иная и дома.

Жильё

Не раз приходилось слышать и читать, как, перебравшись в отдельную квартиру, люди тепло вспоминают о прошлом коммунальном житье. И правда, своим прошлым хочется гордиться – иначе кто ты, какой-то бывший изгой? Но в восхвалении прошлого есть ещё и другая сторона, она – в неудовлетворённости настоящим.

Живущий в отдельной квартире большого дома редко вынужден общаться к обитателям других квартир, хватает простого «здравствуйте». Если же он не очень поглощён своими делами, ему в таких условиях одиноко. И не всякий способен обойтись без громкого общественного гнева по поводу исчезновения в кране воды или без коллективного восторга от футбольной победы неких, условно говоря, своих.

Наладить общение в большом доме было не просто. Когда ни квартиры, ни дом не принадлежат жильцам, у них нет общего интереса, как не стало хотя бы проблемы, как поддерживать чистоту в общей кухне. Если какая-то проблема всё-таки возникает, то нет места, где её обсудить и с этого начать дружбу или вражду: на лестничной клетке неудобно, а звать в свою квартиру ещё не знакомых, всего лишь соседей как-то не хочется.

И вот, коммунальная квартира вспоминается как утраченное тепло чуть ли не материнского гнезда. Вспоминается искренне, устно и письменно, даже в больших сочинениях. Хотя известно, что память гораздо лучше сохраняет дурные события жизни, к житию бок обок с соседями это как будто не относится, это житё вспоминается идиллически, отбрасываются и бытовые неудобства, и свары, и даже иногда жуткие подробности. Остается почти только восторг совместного переживания.

Дальше я расскажу о своём опыте – о квартире, в которую родители перебрались после рождения первого сына в 1925 году и где я, второй сын, прожил первые 23 года и потом ещё несколько месяцев. И конечно, – о соседях нашей семьи. Расскажу только об отдельных особенно запомнившихся обстоятельствах, без претензии на создание связной истории, которая разворачивалась бы в каком-то отношении последовательно. Насколько возможно, воздержусь от комментариев.

Дом и квартира

Дом был построен на Тверской-Ямской улице для чайного купца Н.Ф. Капырина в 1901 году и перестроен в 1912. Когда я там жил, он имел номер 46-б по улице Горького, затем улице вернули её имя, и дом стал числиться под номером 16 по 1-ой Тверской-Ямской.

Дом 16 по 1-ой Тверской-Ямской ул.
(центральная часть).

ницу, отделанные мрамором и витражными окнами, а также лифт. Так называемый чёрный ход вёл из кухни во двор и в подвал, где размещались угольные отопительные печи и прачечная для жильцов дома (перед войной её переоборудовали в газоубежище).

Для хозяина была хорошо отделана квартира №1 на втором этаже, а напротив неё квартира №2 для его сестры – скромнее. В обеих квартирах прихожая и анфилада господских комнат были отделаны деревянными панелями, а потолок в комнате, полученной родителями, – бывшей столовой, был расписан аппетитныминатюрмортами.

В квартире №1 панели, зеркала, диваны в моё время сохранились, в ней размещался районный «Дом учителя» и пара комнат обслуживающей семьи.

Все шесть квартир на трёх верхних этажах, отделанные не столь торжественно, сдавались в наём, судя по всему, не бедным людям. Квартира №2, как и верхние шесть, стала коммунальной, и всё это пришлось убрать как не соответствующее новому бедному быту (кроме деревянных панелей в прихожей квартиры и в комнате, примыкающей к прихожей; она на помещённом ниже плане квартиры обозначена А → ПИ).

Парадный вход с Тверской-Ямской имел представительский вестибюль и лест-

Полы всех квартир были покрыты дубовым паркетом, столь выносливым, что воющие наводнения, из-за нередких в войну и после неё засоров канализации заливавшие из уборной пол нашей квартиры, не нанесли ему заметного ущерба. Каждая квартира имела кухонную газовую плиту на шесть конфорок и газовую колонку в ванной. В каждой комнате – одно или два высоких двойных окна с мраморным широким подоконником и толстыми стёклами, отопительные батареи и вентиляционная решётка под потолком (высота помещений – под 4,5 метра).

Квартиры, кроме хозяйствкой, имели одинаковую планировку, квартиры над нашей (№2) – в точности такую же, как наша, а квартиры над хозяйствкой – симметричную.

Главные комнаты были выполнены анфиладой: кроме отдельной двери в коридор, имели большие двухстворчатые двери в смежные комнаты. После революции каждую, за редким исключением, семью вселили в одну комнату, и эти двери закрыли и заклеили обоями, а отдельные входы в крайние комнаты устроили с помощью тамбуров. В результате соседи не видели друг друга, но неплохо слышали.

Примерный план квартиры №2

Нашу комнату (на плане обозначена по фамилии – И) родители разгородили фанерной перегородкой на две узкие комнаты – проходную 17 кв.м., выполнившую роль гостиной, столовой, кабинета и спальни, и собственно спальню 15 кв.м.

Теснота

В Москве строились и уже действовали новые заводы, они притягивали массу работников из других городов, особенно же из нищаю-

ших деревень, их размещали в бараках и ими «уплотняли» уже существующие дома. Индустриализация!

Так, в середине 1930-х годов вселили новых жильцов и в нашу квартиру, а именно – на антресоль, предназначенную, понятно, совсем для другого – складывать ненужные вещи. Для неё строители выделили верхнюю часть одной из комнат, примыкающих к кухне (см. план) и предназначенных, по-видимому, для кухарки. Туда забирались из кухни по крутой железной лестнице, высота этого небольшого помещения была никак не больше полутора-двух метров, единственное окно смотрело на площадку «чёрной» лестницы.

Как уж там уживались две пары, в сущности, две молодые семьи, не знаю, только однажды, стоя в дверях кухни, видел боевую сцену. Крики, ругань: одна пара жильцов выкидывала сверху вещи другой пары, которая в это время находилась внизу. Люди они были бедные, вещей не много: тощий матрац, подушка и какая-то одежда, так что никого не убили и ничего на кухне не повредили. Жили они на антресоли не долго, куда делись, не знаю.

Квартира большая, детские путешествия по ней открывают всё новые стороны жизни. И смерти тоже. Меня что-то остановило в прихожей против открытой двери в комнату (на плане обозначена А→ПИ), где жил родственник бывших хозяев А. со своей женой. Он сильно вскрикнул, бросился на диван и застыл. Она закричала, стала расталкивать его. Но он больше не встал.

Как тогда говорили, случился разрыв сердца, т.е. инфаркт. Он был совсем не стар, и его смерть соседи объяснили себе его любовью к крепкому чаю и привычкой взбираться на наш второй этаж бегом. Но на тот 1938 год пришлось даже на моей детской памяти что-то слишком много разрывов сердец вне всякой связи с чаем или бегом.

Его жена осталась довольно молодой вдовой, я помню, что и лет через десять она тщательно следила за своей внешностью, сохраняла стройную осанку. Через некоторое время с ней поселился новый муж, крепыш на голову ниже неё, звали его Пётр. В войну он служил в тыловых частях армии и занимался снабжением чем-то. После войны, когда нечем и не на чем было писать и тем более чертить-рисовать, я в надежде «достать» что-то отправился на Арбат в единственный в Москве так называемый «писчебумажный» магазин. Там я застал скандал: женщины возмущались пустыми полками и требовали достать всё «из-под прилавков». На шум из заднего помещения солидно

вышел заведующий и привычно погасил страсти ссылкой на трудности залечивания военных ран страны и надеждой на то, что, де, «скоро завезут», ждите. Этот заведующий оказался знакомым мне Петром.

В то же предвоенное время в комнате напротив (на плане обозначена ПИ→А) появились новые жильцы. Он – высокий сухопарый немец, видимо бежавший от нацистов, она – совсем небольшого роста Полина Ивановна. Если бы не одно обстоятельство, можно бы сказать, что жили они тихо; его я вообще почти не видел, да и она мало появлялась среди жильцов. Наша комната и их составляли анфиладу, и, хотя дверь между ними была закрыта, чем-то забита и заклеена обоями, вечерами мы участвовали в прослушивании ими пластинок популярной тогда эстрадной музыки. Поражала педантичность – каждый вечер и в одном и том же порядке. Удовольствие ли они получали от песен или музыкой заглушали что-то, страстную любовь или звуки иностранного радио, не знаю. Конец наступил в первые дни войны: оба они исчезли. Опять-таки не знаю, как это произошло – им приказали куда-то выехать или арестовали и повезли этапом. Словом, можно сказать, интернировали. Но в отличие от моего отца, он после войны не вернулся, вернулась одна она.

Создался, так сказать, перекос: двое хорошо обеспеченных людей жили в небольшой комнате дворового ряда, а одинокая бедная ПИ – в лучшей комнате с парадной стороны дома. Деньги всех расставили по своим местам: туда, где жил А. со своей женой, потом Пётр с ней же, переселилась ПИ, а на её место – бывшая А. со своим Петром.

«Ах, война, что ты, подлая, сделала»

В трёх комнатах нашей квартиры совсем ещё не старые женщины оказались на время войны без мужей: без упомянутого Петра, без Михаила их комнаты М с входом из тамбура, созданного в прихожей, и без баяниста Б из комнаты в другой стороне квартиры. К ним в гости стали заходить офицеры, и ночью были слышны осторожные женские и мужские шаги в коридоре.

Баянист в войну не пропал, но после её окончания, насколько помню, в квартире не появился, а Пётр и Михаил вернулись, и у Михаила отношения с женой не заладились. Я видел как, выпивши, он в коридоре держал Петра за плечо и убеждал его трагически: «Пётр, ведь наши жёны – бляди!» Тот его уговаривал успокоиться.

С женой Михаил развёлся, но деваться ему было некуда, и они существовали в той же комнате. Там же был и их сын лет десяти. Как-то мама лежала в постели в задней комнате, Михаил сидел рядом, и я из другой комнаты слышал через приоткрытую дверь их доверительный разговор. Он жаловался, что бывшая жена ведёт себя неуважительно, ходит по комнате голая, а он-то ведь – мужчина!

Происходили скандалы, сын вступался за мать, и однажды произошла удивительная стычка. В коридоре они фехтовали, схватив соседские палки со швабрами. Сын нападал, норовил шваброй достать отца, тот скорее защищался. Коридор узкий, швабры летали шустро, и не сразу кому-то из соседей удалось пробраться и встать между ними.

Шуркины котлеты

В войну и некоторое время после неё готовили кто на чём, на керосинках и примусах, каждая семья на своём столе. Газ подавался редко и, если даже доходил до конфорок, то давал лишь малосенъкие огоньки и не во всех конфорках, а чаще только в трёх передних. Поэтому готовили еду подолгу, занимали очередь на конфорку, торопили друг друга, но всё равно на кухне проводили много времени. Как-то днём, занятый по приказу мамы томительным наблюдением за разогреванием не то супа, не то картошки, я долго не мог отвести глаз от двух котлет, которые скворчали на сковороде для моего друга Шурки, сына баяниста. Руководила котлетами его мать, женщина видная, работавшая, видно, там, где шипенье котлет было не в диковину.

Шурка – мой сверстник, но был много крупнее и сильнее меня. Да, что меня! Когда его мать бывала на работе, в его комнате устраивались сражения в узком проходе между двух застеленных постелей. Боевыми орудиями служили большие подушки. У меня был союзник – мой друг Роба со следующего этажа, и наша союзная армия оказывалась неизменно поверженной на кровати или отступившей в заднюю часть комнаты. Придя к миру, все трое старались придать постелям пристойный вид.

Страх

Родители мне рассказали, что приблизительно в 1930 году к ним зашёл сосед Ф. и предложил вместе подписать составленный им донос для НКВД. В нём сразу трёх жильцов квартиры он изобличал в том, что они – бывшие «белогвардейцы». Это были: уже упомянутый А., Б.

— участник очень популярного тогда трио виртуозных баянистов и учитель чистописания, самый тихий интеллигентного вида пожилой жилец с немецкой фамилией Абесгауз или Обезгауз — не помню и обозначу его как АО. Сославшись на незнание прошлого этих людей, родители подписывать отказались. С тем этот Ф. удалился. Но, видно, упорен был, не одумался. Спустя некоторое время сразу за всеми трёх «пришли», потом двое из них, А. и Б., вернулись, а вот третий — АО пропал.

После гибели АО в его комнате остался только его сын Володя лет около пятнадцати-двадцати. И каким-то образом упомянутый Ф. сделался его не то наставником, не то опекуном. Однажды Володя поразил меня своей лихостью. В чулане зазвонил общий квартирный телефон, я снял трубку, звали Володю. Я постучал в его дверь, он спросонок сказал «Да», я вошёл и позвал его к телефону. Тут он каким-то одним стремительным движением выпрыгнул в трусах из под одеяла и оказался ногами на полу. В двух штанинах сразу!

Лихость пригодилась Володе на фронте: говорили, что он стал очень удачливым командиром разведки. Погиб, опять-таки по слухам, нелепо: в подпитии из лихости влез на бруствер окопа, и там его скостила пуля.

После этого комната АО стала второй комнатой семьи Ф. (жена, ребёнок).

Этот Ф. был преподавателем в недалеко расположеннем химическом институте, но как бы работал дома, бесконечно «окучивая» кого-то по телефону. Телефон висел на стене в маленьком чулане, набитом всяким хламом жильцов, там было душно, но он плотно закрывал дверь и всё-таки временами выглядывал в коридор проверить, не подслушивают ли.

В связи с его таинственностью однажды произошёл курьёзный скандал. Мама заставляла меня ежедневно подметать наши комнаты, и я, выполняя это, выметал мусор в коридор и заодно подметал пол в окрестности нашей двери. И вот, прежде, чем я собрал мусор на совок, появился Ф., ворвался в кухню, где стряпала мама, и стал кричать, мол, прекратите подговаривать Вашего сына подслушивать под моей дверью (а его дверь находилась как раз против нашей двери). Моя исключительно обидчивая мама не скоро опомнилась от этого выпада и с тех пор не разговаривала с ним. И заодно с его женой, бывшей как будто не при чём. Она их сочла своими «врагами». Тем более, что в

недели нашего дежурства по квартире ей приходилось смыть его смачные плевки, которые на память о своём утреннем туалете он оставлял в раковине на кухне (В кухне было две раковины большая, покрытая белой эмалью, местами облезлая, – для посуды и маленькая чёрная – для прочего. В ванную комнату вода в то время не подавалась, и все умывались в «белой» раковине на кухне.).

Надо сказать, в квартире с восьмью разного рода семьями не всегда можно было разобраться, кто кого считает своими врагами или друзьями, кто в какой коалиции. У мамы же бывали враги и кроме Ф. – в разное время разные. Но одно было постоянно: она обидчиво возмущалась, что остальные три члена её семьи не поддерживают её деления жильцов квартиры на друзей и врагов (формула К.Симонова, ставшая в 1947 году названием сборника его стихов «Друзья и враги» – впечатлений о недавнем его путешествии в США).

В книге Бенедикта Сарнова «Наш советский новояз» (изд. «Материк», 2002г.), имеющей подзаголовок «Маленькая энциклопедия реального социализма», описаны советские порядки в том ироническом и даже комическом стиле, который позволяет не вдаваться в сущность явлений. Исключением явилась глава «Единство». В ней излагается, даже исследуется связь между страхом перед советской государственно машиной и производной от этого страха любовью к этой же машине. Ярким примером послужил известный драматург А.Н. Афиногенов (1904-1941, самая известная его пьеса "Машенька" (1940)). Для этого Сарнов внимательно прочитал его опубликованные дневники.

Вот вехи жизни Афиногенова, имеющие отношение к теме. Он стал членом партии в 1922 году, написал пьесу «Страх» в 1930 году, в мае 1937 году был исключён из партии (судя по книге Сарнова, за знакомство с расстрелянным к тому времени шефом НКВД Ягодой) и в феврале 1938 г. восстановлен. Будучи исключённым, наверняка боялся ареста, почти неминуемого.

Сарнов обратил внимание на то, что после исключения Афиногенов делал в дневнике записи очень лояльного к власти характера, совсем не как раньше. А он ведь – вовсе не наивный человек: ещё несколько лет назад его пьеса не зря названа «Страх». В ней главный персонаж со знанием дела произносит целую речь на эту тему, прямо говорит: «Мы живём в эпоху великого страха». И Сарнов задаётся вопросом, искренни ли эти записи. Очевидно, они предназначены для глаз будущего следователя, чтобы он, читая после ареста этот дневник, уверился бы в лояльности автора дневника. Афиногенов и сам обсуждает в дневнике прозрачность этого своего замысла для следователя. Но тут оказывается, что эти записи – не только уловка и, вероятно, совсем не уловка. Они отразили состояние человека, настолько, как кролик перед удавом, за гипнотизированного страхом, что он готов полностью отаться на волю источника страха, возлюбил его, чувствует единство с ним.

После истории с тремя арестованными, после ареста в 1938 году моего отца, после всего, что, наверное, было известно жильцам поми-

мо этого, страх не мог обойти нашу квартиру. Эта тема касается и меня. Будучи лет пятнадцати, я записывал в дневник то, что я считал интересным в жизни моих немногочисленных друзей и знакомых. И вот однажды мне пришла в голову мысль, что все мои записи совершенно аполитичны, а ведь известно, что «кто не с нами, тот против нас». И я, преодолев стыд, написал совершенно некстати пару фраз не то одобрения, не то даже восторга – не помню. После этого, почувствовав себя крепко застрахованным от обвинения, я снова впал в грех своих аполитичных юношеских интересов.

Чтобы закончить тему страха, расскажу случай из начала 1950-х годов. Под утро меня разбудил настойчивый звон, на лестнице нажимали кнопки к звонкам всех жильцов квартиры, звон шёл со всех сторон. Ни родителей, ни брата в это летнее время в городе не было, я был дома один и спросонья не понимал, что делать. Хотя звонки повторялись очень настойчиво и их слышали, конечно, и в других комнатах, никто, как и я, не желал открывать дверь, каждый, видно берёг последние минуты перед неизвестной бедой, неминуемо надвигающейся. Маячила и другая опасность – показаться виновным в попытке уклониться от наказания, уже ожидаемого и справедливого. Но, наконец, каждый сказал себе, что ему бояться нечего, и все жильцы на удивление разом созрели кто в чём выглянуть в коридор. Кто-то, не я, решился на глазах у всех открыть входную дверь. За ней оказались не работники «органов», а пара родственников, неожиданно нагрянувшая прямо с вокзала к кому-то из жильцов. Как говорится, пронесло.

— — —

Со временем газ стал гореть нормально, ванная комната стала действовать, а жильцов стало меньше, часть разъехалась кто куда, оставшиеся постарели, всё это подействовало успокоительно, и, хотя появлялись новые жильцы, к концу 1950-х годов стало спокойнее. Затем мои родители уехали в отдельную квартиру, за ними пришлось выехать и мне. Связь с квартирой постепенно была у нас потеряна.

В конце 1990-х годов проходя мимо бывшего своего дома, я увидел, что не жилым стал не только, как прежде, первый этаж (банк, антикварный магазин), но уже весь дом. В нём разместился большой частный банк (он неуместно смело перестроил парадный вход), потом и он исчез.

Глава 2

О спектакле и писателях с благодарностью

Под впечатлением от спектакля «Пять вечеров»

Обстановка

Спектакль «Пять вечеров» создан Георгием Товстоноговым в ленинградском Большом драматическом театре – БДТ в начале 1959 года по пьесе Александра Володина, написанной чуть раньше. Радио тогда же транслировало спектакль, а значительно позже создало по сделанной записи радиопередачу и выпустило её в эфир, когда исполнили, как слышно в предуведомлении к передаче, уже получили высшие театральные титулы. Вероятно, как раз эти титулы, помогли выпуску передачи. По её тщательности и продолжительности видно, что создатели относились к ней, как к важному делу. Запись передачи сделана автором этого текста на магнитофонных лентах, думается, в конце 1970-х годов.

В пьесе и спектакле поразительно точно (для тех условий цензурных ограничений) отражена тревожность того переломного времени: «оттепель» (слово И.Эренбурга), едва начавшись, уже заканчивалась, к 1959 году «культ личности» был уже «разоблачён» три года назад, уже произошло подавление Венгрии, и явственно подступили заморозки.

Было бы несправедливым не признать стройную непротиворечивость советской системы. Но она явственно страдала двумя заметными недостатками. Первый – повальная нищета народа, а второй –

ложность мировоззрения, внушённого подавляющему большинству людей в условиях практически полного их бесправия, их несвободы. Оба недостатка переплетены: первый не может долго существовать без прикрытия вторым, и вместе с тем второй питается и подкрепляется нищенским уровнем жизни. Третий недостаток замечали не все, но во власти были и умники, которые понимали, что здание системы искусно выстроено слишком стройным и из него нельзя вынуть ни одного кирпича без того, что стройность нарушится и начнётся обвал.

Соответственно сказанному, во второй половине 1950-х годов возникло два совсем новых явления.

Во-первых, власти были вынуждены попытаться хоть немного накормить народ и поселить его в сносное жильё, и это потребовало больших средств, которых негде было найти без отказа хотя бы от части международных притязаний власти и без ограничения претензий военно-полицейских ведомств (уже прошёл, как шутили, реабилитанс); и то и другое многих оскорбило и вполне материально задело, и за это та власть поплатилась свержением в 1964 году.

Второе явление образовалось казалось бы незначительным фактом опубликования за границей романа Б.Пастернака «Доктор Живаго». Он был грамотно отвергнут журналом «Новый мир» (главный реактор К.Симонов) в силу неортодоксальности этого большого, сложного и неравноценного текста, мало кому понятного. Роман создал прорыв в идеологии не своим содержанием: он в СССР не был издан, почти никому не был доступен, а стал известен публике только по ругательным отзывам в печати.

Одиозной казалось самовольная бесцензурная передача романа за границу, а присуждение Нобелевской премии автору выглядело в глазах начальства как издевательство над стройной системой идеологии и, плюс к этому, многих завистливо раздражало. В результате Пастернак прорвал стену лжи, а опрометчиво устроенный властями скандал обнаружил гнилость системы – она скандализала, но, только что выпустив из лагерей громадное количество сначала уголовных и потом политических заключённых и отменив крепостное право на производстве (следствие вступления в МОТ), не решилась на прямую репрессию.

Вот в это переломное время, между приливов и отливов, жили и решали свои проблемы персонажи Володина.

Спектакль

Пьеса привязана ко времени не текстуально, а пронизана им через удивительную речь персонажей, в которой языковые штампы того времени иронично, но поэтизировано вплетены в как будто частную историю личных отношений – расставаний, встреч, любви, стыда.

Мой старший брат, ко времени постановки спектакля уже несколько лет друживший с Володиным, рассказывал, что спектакль дался театру нелегко, особенно его финал, который, чтобы разрешили играть спектакль, не должен был выглядеть слишком грустным. Нужен был хотя бы намёк на благополучие, однако такой намёк, который не противоречил бы общей тревожной тональности пьесы и спектакля. Володин вместе с Товстоноговым перебрал несколько вариантов, брат помогал ему. В результате героиня заканчивает спектакль монологом о небольших радостях, которые, «говорят», можно ещё ждать от жизни, и спохватывается вздохом: «Ой, только бы войны не было». Эти слова готовности как-нибудь перетерпеть все остальные возможные невзгоды, эти слова покорности – отдавали себя на милость судьбы; в них вкладывали и надежду, и готовность ко всякому ужасу, только не к самому крайнему, военному.

Я видел спектакль в июле 1959 года, когда проводил в Ленинграде свой отпуск вместе с моей женой. Брат дал мне телефон Володина, я ему позвонил и попросил устроить нам билеты на этот спектакль. Он это сделал.

Спектакль шёл прямо по нервам. Ломка судеб, женская неприкаянность, подмена жизни личности привязанностью к работе, почти обожествление её, уход вроде бы на войну, затем скитания по Северу, за которыми угадывается неназванная в пьесе неволя – ведь не даром герой не был в Ленинграде 17 лет (через приблизительно столько лет некоторым счастливцам удалось выйти из лагерей в середине 1950-х годов).

В спектакле была и не исчезнувшая надежда на счастье. Центром этой надежды и, может быть, неожиданным нервом спектакля стал персонаж второго плана – Катя в исполнении тогда молодой Людмилы Макаровой. Её наивные реплики очаровательно смешны, но в них подразумеваются вопросы и даже несогласия, её любовь по-старому невинна, но деятельна, в этой девочке есть стержень, она способна на поступки, казалось, что она сумеет жить иначе, чем старшие.

Все это завораживающее угадывалось по ходу спектакля сквозь разговоры, казалось бы, совсем не о том.

Посмотрев кинофильм «Пять вечеров», сделанный по мотивам той же пьесы, что и спектакль, было бы естественным справедливо удивиться тому волнению, о котором только что сказано. Дело в том, что пьеса одна, а воплощения совсем разные. В фильме общественная тема не звучит вовсе, он повествует всего лишь «о странностях любви» на фоне густого трудного быта. Основная линия фильма: обаятельный мужчина средних лет, чья артистическая натура (актёр показывает несколько этюдов на эту тему) не давала ему стандартно идти по жизни, к концу фильма преодолевает себя и как будто возвращается к возлюбленной давних лет.

Пьеса была поставлена во многих театрах. Интересна реакция Гавриила Попова на недавнюю постановку пьесы в Ленкоме (Попов в конце 1980-х годов вместе с Ю.Афанасьевым противостоял «агрессивно-послушному большинству», затем непрерывно был первым мэром Москвы). С позиции нашего времени он в своей статье раскрыл социальную подоплёку пьесы: состояния общества того времени, в котором действуют герои пьесы, но которое представлено в пьесе в очень неявлном виде. Очевидно, что персонажи пьесы не могли понять окружающую обстановку и даже своё собственное поведение так, как понял это теперь Попов. Думаю, что и Володин в то время скорее чувствовал эту обстановку и своих персонажей, чем понимал всё это, и отсюда – удивительная непосредственность диалогов пьесы, её громадное эмоциональное воздействие.

Естественно, пьеса вызвала много негодований. В попытке как-то обратить внимание на её объективную ценность брат подготовил большую статью, опубликованную его друзьями много позже в его книге «Профили искусства». В этой статье он не позволил себе внятно продемонстрировать смысл пьесы, это слишком повредило бы её судьбе, он предпочёл компромисс – не свойственный ему академический анализ художественных средств и этим, на мой теперешний взгляд, заметно запутал дело. Тем не менее, в статье чётко сказано: «Один лишь шаг отделяет героев от пошлости и – от несчастья. Пьеса рассказывает, как герои не сделали этого последнего шага».

Спектакль точно передал интонацию пьесы. Её диалоги специфичны, они – только формально диалоги: во многих эпизодах следующая реплика впрямую не вытекает из предыдущей реплики другого персонажа, а связана с ней опосредовано, скорее является частью прерывистого монолога. Персонажу важнее выговориться, чем услышать, и, чтобы сплести такие актёрские реплики в волнующее гармоничное целое, потребовалось большое профессиональное мастерство театра и радио. Вероятно, подобную трудность испытывает режиссёр чеховских «Трёх сестёр».

Вскоре и потом

31 августа 1959 года последний раз собирались у нас дома отметить день рождения брата. Он уже почти ничего не мог опубликовать, но был влюблён, много шутил. Выпивали, говорили легко, смеялись. Володин чувствовал себя естественно, среди своих, обещал перенести это застолье в свою пьесу (насколько знаю, не выполнил). Не прошло и двух месяцев – брат погиб.

А с Володиным я встретился ещё раз в середине 1990-х годов. В.Гаевский – Вадим, Дима, коллега и большой друг брата, собрал немногочисленное общество в годовщину его гибели. Володин все ещё был так очарователен, что моя жена Людмила на моих глазах чуть не влюбилась в него. Не она – первая, не исключено, не она – последняя. Теперь, с 2001 года, и его нет.

Переплетение всех этих обстоятельств таково, что и теперь не могу без волнения слушать этот спектакль, потому и сохраняю его записи.

Часто воображается то будущее чеховских трёх сестер, которое на них обрушилось через всего 15 лет. Время отделило от нас и володинских персонажей. Старшей пары с её не заладившейся любовью (ей играли Копелян и Шарко), вероятно, уже нет. А младшей паре (Макарова и Лавров), которая в спектакле только начинает самостоятельный путь, предстоит выстроить свою личную жизнь в связи со многими им ещё неизвестными событиями. Издевательство над Пастернаком, Солженицын, партийный путь 1964 года, вторжение в Чехословакию и в Афганистан, Сахаров, гласность, превращение привычного дефицита всего, что нужно для жизни, в катастрофическую форму, государственный путь 1991 года и победа над ним, частное предпринимательство, исчезновение дефицита всего, кроме денег, дважды «усмирение» Чечни, взрывы домов, газ зрителям «Норд-Оста», пожар школьникам Беслана, ЮКОС и становление государственного капитализма, терроризм, «принуждение к миру» Грузии, рассерженные демонстрации в Москве, новые заморозки, Крым, Украина... Как они отнеслись ко всему этому, что думали, что говорили, это ли им обещала молодость?

Впрочем, это – тема других пьес, других спектаклей, автору текста, к сожалению, известных лишь понаслышке. Но они появляются. И видно, что появляются новые молодые люди со своим новым, деятельным стремлением к счастью.

В защиту российских писателей

Уже лет 150 в России низвергаются и разоблачаются разного рода авторитеты. Низвергать путём убийства начали народовольцы-бомбисты и охотно продолжили большевики. Со временем доклада Н.Хрущёва об И.Сталине разоблачители ограничиваются устными и письменными филиппиками, оргвыводами, время от времени и посадками, убивают редко. Разоблачать приятно, возвышает в собственных глазах; разоблачителя, бывает, ждёт слава. Разоблачителю, видимо, приятно убедить себя, что знаменитость, которую принято уважать, тем не менее по своему ничтожна, не лучше его, автора, и поделиться этим убеждением с публикой, которой тоже будет это унижение авторитета приятно. Так что такого рода аппетит не пропадает, а значимых объектов разоблачения почти не осталось, нравственного авторитета нет уже почти ни у кого, и приходится в этом деле идти на явные компромиссы со здравым смыслом и совестью.

За последнее время пришлось встретиться с двумя показательными в этом отношении случаями. В обоих статьях критикуются писатели, но не действующие, что могло бы быть принято за попытку наставить их на путь истины, а писатели, которые уже давно завершили свой путь и ответить сами на критику не могут. Обе статьи напечатаны недавно в неплохих русскоязычных ежемесячниках Германии, их авторы вряд ли интересны, назовём их А. и В. Статьи же типичны своей несправедливостью, к ним стоит присмотреться.

Духовный человек громит интеллектуала

Статья автора А. названа «*Двойственность образа*» с подзаголовком «*Правда и ложь в творчестве большого писателя*». То, что двойственность усматривается не то в самом писателе, не то в его творениях, не то между личностью писателя и его творениями, не удивительно – где и у кого найдёшь цельность? То, что в творчестве большого писателя есть правда, тоже не удивительно, а вот обнаружение в ней лжи, не заблуждения, не ошибки, не наивности, а прямо-таки лжи – событие не ординарное, настораживает. Ведь творение писателя – не фотоснимок, не газетная статья, где на ложь, бывает, не скучается, а плод художественного творчества, которое, хотя отражает действительность, но не прямо, а образно. Вроде бы, к художественному творчеству обвинение во лжи не применимо. Так в чём же дело?

Статья открывается утверждением величия «духовного человека» по сравнению с низменным «интеллектуалом»: «*первый свободен в своих суждениях от какой-либо догмы и подчиняется лишь своей совести*», второй же «*как правило, массовиден. Он ничего не утверждает, кроме того, что принято в его социальной группе, к которой он принадлежит*». Мнение, что интеллектуал бесплоден, достаточно ясно, его легко опровергнуть бесчисленными примерами, поэтому не будем обращать на него внимания. Термин же «духовный человек» совсем не ясен, наверное, в него вкладываются какие-то ассоциации со стремлением к чему-то возвышенному, словом – с «духовностью». А этот термин с недавних пор употребляется часто, он тоже не слишком прозрачен, но несколько дальнейших фрагментов текста статьи создают впечатление, что, в сущности, всё это в статье – лишь эвфемизмы религиозности. Вот пример по сути отождествления: «*Именно отчуждённость от религиозного сознания была причиной принятия Эренбургом любой «прогрессивной» идеи, независимо от её духовного содержания...*» Ради точности заметим, однако: в статье впрямую не сообщается, что «духовный человек» не отличается от религиозного человека.

Уже несколько лет значительная часть населения России противопоставляет некую духовность России людям Запада, по её мнению, бездуховным. В этой части, конечно, Православная церковь, к которой автор А., насколько известно из его более раннего текста, стал принадлежать. Тут очень виден безоглядный энтузиазм неофита.

В России отличие «духовного человека» от православного человека вряд ли может быть замечено, так что статья в этом отношении не одинока. Однако наряду с понятиями Русский мир и Евразийский союз, убеждённость в исключительной духовности России способствует гегемонистскому принижению соседей, и всё это вместе уже привело к известным печальным результатам. Поэтому жонглирование понятиями, связанными с духовностью, представляется небезобидным занятием, актуальную боевитость духовности нужно бы учитывать. И воздерживаться от участия в борьбе духа против интеллекта.

Как видно, статья судит писателя за то, что тот интеллектуал, а не «духовный человек». Такой критерий оценки творчества писателя и его деятельности, забытый со времён инквизиции, уже давно выглядит абсолютно ложным. Растиражированный газетой, он вводит людей в заблуждение, вреден. Получается, что «духовный человек» статьи действительно «*свободен в своих суждениях от какой-либо догмы*», в данном случае – догмы о пользе разума, но то, что он «*подчиняется лишь своей совести*», представляется сомнительным.

Низвержение Эренбурга

Предметом статьи является Илья Григорьевич Эренбург. Из обвинений в его адрес и попутных уколов выберем наиболее существенные, достойные обсуждения, оставив в стороне выражения вроде «...за богатейшей культурой автора скрывается духовный примитив».

«У Эренбурга были некоторые черты... русской интеллигенции, однако доминантные качества его личности и творчества исключают его из ордена интеллигенции». Забавно, что обвинение взбирается до высот анализа личности, а также то, что термин «интеллигенция», как известно, очень неопределёнен и что никакого «ордена», откуда бы турнуть Эренбурга, и вообразить невозможно. Возникший перебор уже состоявшегося отлучения подправляется некоторой реабилитацией: «Эренбургу не изменял вкус...» «Эренбург, пусть не всегда последовательно, старался соблюдать кодекс интеллигентской чести. Он признавал этику прописных истин интеллигента и, отстаивая их, бывал подчас весьма смел». Упомянутая смелость подтверждается в статье отказом Эренбурга подписать в начале 1953 года антиеврейское письмо.

Кстати, безумную антисемитскую компанию того времени автор обозначает словами «в период борьбы с сионизмом», т.е. поступает точно так, как теперешние антисемиты, которые стыдливо выдают себя за борцов с сионизмом.

«При всей широте своих интересов он никогда не занимался всерьёз философией, в частности, философией религиозной». Далее называются философы от православия, и в результате оказываются отлучёнными от высоких помыслов и другие философы, неизмеримо более значительные, и те, кто обходится вообще без чтения тех или иных философов.

Он «талдычит о «культе личности Сталина», как будто не Сталин преступник, а те, кто его восхвалял, и клянётся, что никогда не сомневался в торжестве идеи коммунизма». Здесь статья взбирается на заоблачные высоты современного жителя Германии, вольного носить что угодно. Этим вводятся в заблуждение те, кто по возрасту или местоположению не знают, что Эренбург пребывал не на тех высотах. Тогда не то что поношение власти, а и простое сомнение в советской идеологии каралось тюрьмой и лагерем. А идеология ввела понятие о культе Сталина (уже это было громадным сдвигом в сторо-

ну смягчения системы!), обвиняла в этом культе только его, а отнюдь не систему в целом. Отрицательное отношение к столь поверхностной критике культа ясно высказано Эренбургом в последней, седьмой, книге его обширного сочинения «Люди, годы жизнь» – собрания воспоминаний о жизни того времени и эссе о значительных людях искусства – современников и друзей Эренбурга. Нет оснований исключить, что Эренбург относился к коммунизму как к некой «мечте человечества», но смешно думать, что он верил обещанию той же идеологии создать коммунизм через 20 лет. Судя по его текстам, официальная идеология слишком часто резко противоречила его взглядам на устройство жизни и на искусство, а её пропаганда слишком часто била по нему лично (не говоря уж о репрессиях против почитаемых им людей). Зная это, заподозрить его, последних тридцати лет его жизни, в вере этой идеологии может только очень наивный или, скорее, предвзятый человек.

Не всякому современному читателю понятно, что, если автор того времени хотел сообщить своим современникам нечто «доброе, вечное» (а Эренбург немало преуспел в этом!), ему приходилось камуфлировать это нечто хотя бы какими-то словами из официальной идеологии. Авторский текст терял от этого мало: продвинутый читатель понимал игру, а менее продвинутый с советской приправой легче осваивал то, ради чего текст был написан.

«Религия была для него явлением чисто культурным. Он называет русские иконы «великолепными произведениями живописи». С точки зрения власти религиозные деятели, не сотрудничавшие с ней, были хороши для лагерей, а иконы долгие годы были годны только для расстопки, иной подход к ним считался антисоветским. А в 1960-е годы Эренбург и некоторые другие вслед за «оттепелью» посмели обратить на них внимание хотя бы как на явление культуры, и это способствовало сохранению икон и, по большому счёту, реабилитации религии. А сказать больше, например, о нравственной ценности икон было ещё нельзя. Как тут не вспомнить стих А. Твардовского: «Ходит краем, зная край». Он тоже ходил этим краем. И многое выходил.

В статье критикуется недостаточная антисоветскость уже названных воспоминаний Эренбурга. Это преподносится как «сознательная и невольная ложь мемуаров Эренбурга». А между тем работа сначала публиковалась в журнале с большим трудом, в урезанном и смягчённом виде, с перерывами, так как автор, с точки зрения как раз ду-

ховных людей во власти, нагло потерял представления о том, где ими определён край разрешённого. Даже в таком виде это произведение раскрыло глаза большому кругу читателям на многие новые для них явления искусства и жизни.

В статье приведены несколько благожелательных слов об этой работе из написанных Надеждой Яковлевной Мандельштам в её воспоминаниях «Книга вторая». (Преданная жена замечательного поэта Осипа Мандельштама, его «нищенка-подруга», честно прожившая суровую жизнь, при этом иронически-пренебрежительно названа: «достаточно недоверчивая дама».) Она – строгий и непредвзятый ценитель литературы и её деятелей, её отзыву можно полностью доверять. Выпишем его почти без пропусков и начнём с фразы, приведённой в статье. *«Среди советских писателей он был и оставался белой вороной... Беспомощный, как все, он все же пытался что-то сделать для людей... Его читатели, главным образом мелкая техническая интеллигенция, по этой книге впервые узнали десятки имён. Прочтя её, они быстро двигались дальше и со свойственной людям неблагодарностью тут же отказывались от того, кто открыл им глаза. И все же толпы пришли на его похороны, и я обратила внимание, что в толпе – хорошие человеческие лица. Это была антифашистская толпа, и стукачи, которых массами нагнали на похороны, резко в ней выделялись. Значит Эренбург сделал своё дело, а дело это трудное и неблагодарное. Может быть, именно он разбудил тех, кто стал читателями Самиздата».* Признаюсь, среди упомянутых неблагодарных в своё время был и я.

Более прочих удивляет обвинение Эренбурга в национализме: *«В конце войны Эренбург нарушил один из постулатов прогрессивной интеллигенции – интернационализм – и, будто тёмный русский националист, призвал убивать не фашистов, как требовала политкорректность, а вообще всех немцев».* Этот тяжёлый выпад обосновывается в статье довольно умеренной фразой из Эренбурга: *«Нет ничего такого, в чем не были бы виноваты немцы, как живые, так и не рожденные».* Такого рода обвинения участников битвы с немецкой и с японской бесчеловечной агрессией типичны для симпатанта разного рода агрессоров и позже для левого интеллектуала с его нежной душой. Он не «смотрел в глаза винтовке» (выражение Э.Багрцкого), но уверяет, что воевал бы иначе – гуманнее, духовнее, а может быть, сумел бы умиротворить агрессора, добился бы переговоров, откупился

бы за счёт кого-то (как в Мюнхене), перешёл бы к лобзаниям, и как было бы приятно! В данном же частном случае, приведённая выше фраза из статьи «духовного человека» просто и насквозь пропагандистская. Так, выражение «прогрессивной интеллигенции» взято прямо из советской пропаганды, а слово «постулатов» вряд ли сопрягается с интеллигенцией. «Интернационализм» – флаг марксистской идеологии. «Политкорректность» – понятие более поздней эпохи, оно применяется, когда говорит не стремление к правде, а желание как-нибудь скрыть чем-то неприятную суть дела.

По сути же критикуемой фразы Эренбурга можно заметить, что в ней сказано вовсе не об убийстве немцев, а об их вине (но Эренбург писал и тяжелее – «убей»). А ход жизни подтвердил правоту Эренбурга: да, немцы были очень и очень виноваты, но позже они это осознали, публично признали и стараются искупить вину, стараются как те, кто был жив в ту военную пору, так и ещё не рождёные тогда.

Теперь не о словах, а о главном: борьба с агрессором, особенно с агрессором, навязавшим войну тотальную, в которой тыл не отличают от фронта, – вещь очень жестокая. Когда прёт банда захватчиков и убийц, не разбираются, кто из них нацист, фашист или ещё какой-то враг, кто сочувствующий ему, а кто противник этого врага, ему помогающий поневоле. В такой войне не жалеют не только слов, но и жизней; желательно – только чужих, но, приходится, и своих. Эренбург хорошо знал это, сам был на войне, а также участвовал в расследовании виновных злодеяний. Его статьи и памфлеты отражали этот опыт, возбуждали в солдатах ненависть к врагу и от солдат, от очевидцев злодеяний питались гневом и ненавистью. Они помогали одолеть врага, приближали победу и, в конечном итоге, способствовали уменьшению жертв. Эренбург не скрывал ненависти, но ближе к концу войны он писал: «...мы не будем платить им той же монетой! Наша ненависть – высокое чувство, оно требует суда, а не расправы, кары, а не насилия». А ненависть, конечно, и перехлестывала – и в словах, и, что куда важнее, в расстрелах пленных, в издевательствах над немецкими женщинами и т.п.

Об армии самого конца войны рассказали многие, напомню лишь одно свидетельство. Анатолий Злобин в книге-журнале «Русское богатство» №1(3), 1993 г. опубликовал целый ряд своих воспоминаний и, в числе прочего, на стр. 73-76 рассказал, как при переходе его части из Польши в Германию его лейтенант торжественно объявил, что с этого момента освободители превращаются в мстителей, какой ужас последовал и как затем двух солдат расстреляли перед строем. Это надо знать и с этим жить.

Труды Эренбурга

Прежде, чем напомнить, вероятно, главные из широко известных достижений Эренбурга, в связи с темой ненависти обратимся к гораздо менее известной «Чёрной книге». Она создана в 1944-46 годах большой группой писателей и журналистов под редакцией Василия Гроссмана (он автор эпического романа «Жизнь и судьба») и Эренбурга. Цель их громадного труда – по документам и со слов очевидцев зафиксировать в памяти потомков злодействия по отношению к евреям, совершенные на оккупированных территориях СССР и Польши во время войны. В книге «Люди, годы, жизнь» Эренбург вспоминает: «Немало времени, сил, сердца я отдал работе над «Чёрной книгой». Рассказы переживших ад людей переворачивают душу; тот, кто её читает, получает мощную прививку от расизма и геноцида. Старания издать книгу довели дело до вёрстки, но набравшая в стране силу антисемитская кампания поставила заслон – в 1948 году набор книги был рассыпан. Одна часть книги была издана в 1946 году в Румынии, в полном объёме она издана много позже – в Иерусалиме в 1980 году (на русском языке), затем издавалась многократно, а в России, насколько известно, книга не издана. В статье рождённого еврейкой православного автора А. эта книга не упоминается. Итак, важнейшие, с нашей точки зрения, даты и труды Эренбурга (1891 – 1967):

1922 год – книга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников...» замечательно оригинально, весело и несколько хулигански отразила послевоенный поиск новых путей развития общества взамен скомпрометировавшихся старых. Она стоит в ряду с произведениями того времени Э.Хэмингуэя, Э.М. Ремарка, Р.Олдингтона.

1923 год – книга «Тринадцать трубок» о приключениях и злоключениях многих владельцев тринадцати курительных трубок.

1936–39 годы – очерки военного корреспондента в Испании, активно помогавшего республиканскому правительству.

1944 год – сборник военной публицистики «Война».

1954 год – повесть «Оттепель» точно отразила, что кошмарная зима жизни кончается, весна не наступила и, возможно, не наступит, но всё же есть радость – возникла оттепель. Название повести стало широко использоваться как понятие общественной жизни.

1960 – 1965 годы – собрание воспоминаний и эссе «Люди, годы, жизнь» (см. выше) публикуется в журнале «Новый мир». Потом это

сочинение выходит в виде книги, но полное трёхтомное издание вышло только в 1990 году.

Практически всю свою жизнь Эренбург разнообразно участвовал в общественных движениях. За это два раза попадал в тюрьму, бессчётно был обруган с разных сторон, находился под бдительной слежкой политической полиции. Начиная с 1940-х годов Эренбург стал официальным общественным деятелем, в какой-то степени даже «лицом» СССР. Он говорил с различных трибун, с отдельными людьми о культуре, сохранении мира и даже о социальной справедливости. Он излагал свои убеждения искренне и увлечённо, хотя и, судя по его воспоминаниям, не без наивного наслаждения своей значимостью и незаменимостью. Слишком доверчивые слушатели воспринимали его слова как мнение советской общественности и чуть ли не правительства, а он-то был в своей стране, как сказано, всего лишь «белой вороной», которой в любой момент могли общипать перья (и не раз обшипывали, только не наголо). Его энергичное сотрудничество в разных отечественных и международных Комитетах и Советах, в «борьбе за мир» нужно было циничной власти только как декорация, только с целью пропаганды, направленной на то, чтобы утеплить впечатление о стране (смотрите, какие там, оказывается, есть умники, да ещё и еврей!), привлечь симпатии левых слоёв западного общества. Зато та же власть давала ему возможность заходить в своём писательстве и в речах за край обычно дозволенного, просто-напросто помогать многим нуждающимся и, главное, ссылаясь на интересы той же пропаганды, хоть немного сдерживать власть в её одиозных поползновениях против культуры и людей.

Не раз замечено, что, totally пропагандируя, власть сама начинает верить в ценность того, что выдумала для пропаганды. В случае «борьбы за мир» такая обратная связь благотворна, и Эренбург это понимал и использовал.

Всё изложенное выше не ново, легко доступно любому. Видно, что за свою большую, многограничную, сложную и полную опасностей жизнь Эренбург сделал совсем не мало в художественной прозе, в поэзии, в журналистике, в публицистике и непосредственной помощью людям. И тем не менее статья А. обвиняет его во лжи прямо с подзаголовка и затем приписывает ему массу пороков. Несправедливость этого «духовного человека» А. поразительна.

Оставив на этом статью А., теперь осмелимся использовать небольшой аспект деятельности Эренбурга, взяв его в союзники при защите других российских писателей.

Два суждения о классиках

Через 55 лет после смерти А.П. Чехова, в 1959 году, в журнале «Новый мир», который тогда довольно независимо редактировал А.Твардовский, была опубликована большая статья Эренбурга «Перечитывая Чехова». Эренбург – не литературный критик, и его статья – свободное, насколько позволяли обстоятельства, изложение впечатлений о рассказах Чехова и об его личности, как она виделась Эренбургом в его рассказах и в письмах. В статье настойчиво подчёркнут цеплый ряд тех качеств Чехова, которые сделали его широко читаемым и почитаемым писателем. Среди них правдивое изображение только того, что он знал досконально, совестливость и редко встречающаяся у писателей (вспомним, однако, А.Пушкина) непредвзятость в описании и оценке персонажей. Эта апология Чехова была написана, наверное, в надежде вразумить коллег-писателей, в отличие от Чехова одержимых приверженностью так называемому «социалистическому реализму» (о нём в статье нет ни слова!), и напомнить читателям, что такое настоящая литература. Статья вызвала большой отклик, её прочли многие, своих целей автор в какой-то мере достиг да и, наверное, был рад опубликовать такой просветлённый текст.

Прошло ещё почти столько же лет, и вот появилась статья автора Б., названная «Наименее устаревший русский классик». Статья игнорирует то, что написано знаменитым предшественником, но тоже благожелательна к Чехову, хотя совсем иначе. Её название очень удачно отражает содержание. В ней проблемы, связанные со смыслом художественного творчества, не рассматриваются вовсе, а взамен утверждается, что русская классическая литература устарела. Де, её слишком сложные для «нас» описания совершенно не похожих на «нас» людей, а также их страстей и перипетий их запутанных отношений читать уже не интересно. А рекомендуется читать то, что как раз впору нашим способностям, – чеховские рассказы. Статья утверждает, что «чеховская проза донельзя проста» и что она хороша отсутствием «задыхающиеся, лихорадочных тирад» Ф.Достоевского и «вязанок вложенных предложений» Л.Толстого.

Такие утверждения не раз приходилось слышать от людей, полагающих себя художественными натурами, не склонных мыслить и предпочитающих читать сказки или мистику. Высказывая свой взгляд, посмотрим, что на этот счёт думал авторитет – писатель Эренбург.

Эренбург о классиках

Если не скользить взглядом по строчкам рассказов Чехова, а подумать об их смысле, то легко обнаружить в них сложное переплетение ужаса действительности, мечты о лучшем будущем людей и природы и неуверенной надежды на это будущее. Понимание чеховских рассказов осложняется ещё и тем, что автор часто не навязывает своей оценки происходящему, не всё доказывает, многое предоставляет додумать читателю, даёт ему самостоятельно идти к выводам, если он хочет и способен на это.

В своей статье Эренбург приводит пример такой недоговорённости. Напомним, в рассказе «Попрыгунья» смерть замечательного доктора Дымова приводит к раскаянию его легкомысленную жену Ольгу Ивановну, при жизни считавшую его ничтожеством. Текст Эренбурга: *«Лев Николаевич Толстой, который любил «Попрыгунью», говорил: «И как чувствуется, что после его смерти она будет опять точно такая же». Чехов именно это хотел показать, но рассказ он закончил днём смерти Дымова, когда на одну минуту Ольга Ивановна не выглядела попрыгуньей»*. Чтобы додумать это, не обязательно быть вровень с Толстым, но внимательно читать, чувствовать и понимать надо.

В прозе Толстого открывается немыслимое разнообразие людей, обстоятельств, поступков, приключений, любви, греха, низости, геройства – всего не перечислишь, а читатель идёт вслед за умнейшим и бесконечно много знающим автором с его активным, настойчивым желанием понять мир и передать это понимание читателю. Вот свидетельство Чехова, переписанное из статьи Эренбурга: *«Каждую ночь просыпаюсь и читаю «Войну и мир». Читаешь с таким любопытством и с таким наивным удивлением, как будто раньше не читал. Замечательно хорошо. Только не люблю тех мест, где Наполеон...»*

Об отношении Чехова к Достоевскому Эренбург в данной статье ограничился констатацией: *«Искусство Достоевского никогда его не искушало: он не любил ни идей, снабжённых для правдоподобия именем и костюмом, ни аффектации, ни напряжённой интриги повествования»*. Поверим Эренбургу и, вместе с тем, напомним общезвестное, что проза Достоевского открыла новый взгляд на человека и, кстати, на экстремальные события сегодняшнего дня. И, как не просты персонажи Достоевского, так не легка его проза, в точности отвечающая своему назначению – передать мир этих персонажей и, часто

губительные, отношения между ними. Если читатель видит мир иначе и ему Достоевский не интересен, эта проза не для него.

Классики и читатели

В целом противопоставления классиков друг другу не продуктивны, великие не устарели, они счастливо дополняют друг друга, раскрывая мир с разных сторон.

Почтение к названным великим вовсе не исключает того, что разные читатели предпочитают читать кого-то из них больше, кого-то меньше, а большинство вместо них всех – бульварные листки. Статья Б. замечательно объясняет, кого она обобщает местоимением «мы»: «Чехов пишет для нас, для нашего клипового мышления, когда проблемы разрешаются «кликом» мышки. У кого найдутся силы дочитывать до конца бесконечно ветвящиеся фразы Толстого? Современный читатель не привык надолго задумываться». Зачем так унижать заодно с двумя классиком и нас, читателей? Если все читатели именно таковы, какими выглядят в статье, то статья бесполезна: они не читают никаких классиков, а рассуждений о них и подавно. Видно, что Б., в отличие от Чехова, презирает читателей, причисляет к читателям совсем не читателей, но при этом парадоксально отождествляет себя с этими нечитателями.

В противовес уничтожительной критике стиля толстовской прозы обратимся опять в статье Эренбурга: «В незаконченном рассказе «Письмо» герой повествования читает книгу неназванного автора и так отзыается о ней: «Какая сила! Форма, по-видимому, неуклюжа, но зато какая широкая свобода, какой страшный, необъятный художник чувствуется в этой неуклюжести! В одной фразе три раза «который» и два раза «видимо», фраза сделана дурно, не кистью, а точно мочалкой, но какой фонтан бьёт из под этих «которых», какая прячется под ним гибкая, стройная, глубокая мысль, какая кричащая правда!» Легко догадаться, чьё произведение читал герой «Письма». Чехов говорил Щукину: «Вы обратили внимание на язык Толстого? Громадные периоды, предложения нагромождены одно на другое. Не думайте, что это случайно, что это недостаток. Это искусство, и оно даётся после труда»».

Логика статьи Б сводится к следующему. Если предмет X лучше предмета Y, который объявлен не годным, то предмет X хорош. Это утверждение ошибочно: предмет X не абсолютно хорош, а только в сравнении с предметом Y; поскольку же пред-

мет Y не годен, то вполне допустимо, что и предмет X не годен, может быть, в меньшей степени. Оценка произведения искусства требует доказательства не путём сравнения, а анализа его собственных свойств. Но на это не всякий способен.

Многие насущные проблемы действительно решаются Интернетом: покупка билетов, поиск информации, мнений и пр., – но художественные творения не для тех, кто «не привык надолго задумываться»; если «клиповый» недоумок берётся за прозу великого писателя, появляются суждения, шокирующие беспардонностью.

Творение и его автор

В статье Б. редко видно, о каком Чехове говорится: о его человеческой личности или о великом писателе. Подобная путаница часто встречается в сочинениях о деятелях искусства и ещё чаще в бытовых разговорах. А между тем, показать и творчество, и частную жизнь творца в их единстве необыкновенно трудно, под силу лишь выдающимся научным умам. Статья ссылается на высказывания очень различных людей и самого Чехова, совершенно не анализируя, в связи с чем и зачем это говорилось и писалось. На этом пути естественны всплывающие нелепости. Например, Б. упоминает недовольство Чехова сочинённостью и неискренностью в романе «Воскресение», не сообщая, что Чехов бесконечно ценил Толстого (см. выше).

Хуже того, Б., видимо не понимает, что Чехову, как и любому писателю, нравилось, как писал он сам, а не как, в частности, коллега Толстой, а если бы было наоборот, то Чехов старался бы писать под Толстого и преуспел бы в этом не больше, чем другие эпигоны, которых было не мало.

К счастью, писатели Чехов, Толстой и Достоевский не похожи друг на друга. И их личности тоже не похожи.

В отношении смелости перехода от того, что написано Чеховым, к его личности забавен фрагмент о любви: «*К женщинам... Чехов всерьёз не относился... На физическую сторону любви взгляд имел вполне докторский...*» (далее следует гадкое предположение автора, которое цитировать неудобно). Если речь о человеке по фамилии Чехов, то судить не берусь, да это и не интереснее, чем сплетня о сексуальной жизни соседа, а если это пишется о великом писателе Чехове, то это совершенно неверно: вспомните его изумительные пьесы, которые переполнены возвышенной и драматической любовью.

Рискну, кстати, заметить, что Чехов сначала стал известен как прозаик, и, в основном, эта сторона его творчества почитаема в России, а во всём мире он актуален не меньше, чем в России, но, скорее, как великий драматург, как новатор в драматургии.

В итоге же получается, что автор статьи хотел похвалить и без него всеми признанного Чехова, а получилось унижение и Чехова, и других великих. И нас, читателей.

Сохранить бы авторитеты

Двух рассмотренных статей современных авторов можно было бы и не заметить, если бы они не отражали так ярко увлечённость ниспровержениями. Ниспровержениями тех, чьи труды являются в той или иной мере основой мировоззрения культурных людей мира и, уж по крайней мере, людей русского языка. Тех, кто мог бы явиться авторитетом и примером замечательного гуманистического творчества. Недостатки ушедших деятелей, недостатки, не выдумываемые, а действительные, конечно, могут и должны подвергаться научному исследованию, а рассмотренные статьи бросают тень на значительных людей легкомысленно и несправедливо. Эта будто бы просветительская деятельность вредна тем, что из под ног людей выбивается нравственная опора, и без того шаткая.

В книге «Люди, годы, жизнь» Эренбург с горечью написал: «Как это часто бывает, торжествуют не праведники, а ябедники».

Глава 3

Российские проблемы: откуда и куда

Мои Ленин и Сталин

Я родился через десять лет после того, как Ленин ушёл от дел, я с ним разминулся. Со Сталиным у меня больше общего – мы параллельно прожили 21 год, но сейчас минуло уже больше шестидесяти лет после его смерти. Хотя, казалось бы, эти персонажи уже так далеки, но с ними связаны сильные переживания, и мысль часто возвращается к ним, тем более что у них есть множество почитателей и последователей, особенно в России, но не только в России.

Теперь пора подвести итог личным впечатлениям от них.

Отношения с ними

Предваряя итог, начну с давних отношений, так сказать, между нами.

У моих родителей не было принято говорить о «вождях». Видимо, чёткого мнения о них родители не выработали, хвалить не очень хотелось, ругать – тоже, да и боялись, тем более – при детях. В результате, в юности я вождями не интересовался. Но все же в школе и в институте не давали их забыть.

В школе в меня вкладывали образ Ленина по поэме В.Маяковского и по статье М.Горького.

На школьных уроках имя Сталина всплывало постоянно – не только в связи эпохальной коллективизацией и с выигранной войной, но и в процессе изучения литературы: изучали роман А.Толстого «Хлеб», повествующий (по заказу Сталина), как он, Сталин, оборонил Царицын и тем спас страну, дав ей хлеб с Юга. Было неприлично написать

сочинение, не упомянув в нем благотворную роль Сталина. Я следовал этому. Например, излагая что-то о Катерине из «Грозы» А.Н. Островского, я вполне мог завершить сочинение чудной фразой вроде «Только при Советской власти, под руководством Сталина стремление женщины к свободе стало одним из великих достижений Советского народа».

В последнем моем учебном году зимой 1948-49 годов произошёл сбой.

Старая измодённая учительница литературы, насколько помню, Наталья Николаевна была вовсе не безграмотна (видимо, как тогда ещё говорили, «из бывших») и даже несколько восторженная. Но избирательно. Например, о поэтах от Фета вплоть до Маяковского она выразилась презрительно, что они могли стихи сочинять, как фокусник извлекает ленту изо рта. И она указала классу написать домашнее сочинение относительно романа «Поднятая целина» М.Шолохова. Чтобы понять суть происходящего в романе, я за истоками коллективизации обратился к сталинскому «Краткому курсу истории ВКПб» и начал сочинение с единственным конкретного, что сумел там почерпнуть: правительство, озабоченное положением беднейших крестьян, разрешило какие-то (точно не помню) действия по раскулачиванию, и это вылилось в события, описанные в романе. Раздавая всем тетради с проверенными сочинениями, мою тетрадь учительница не отдала. Она заявила, что моё сочинение содержит недопустимый троцкистский взгляд на коллективизацию, она его решительно осуждает и сочинение представит руководству школы. О троцкизме я тогда знал, конечно, только то, что он очень вреден, и уж совсем не задавал себе вопроса, поступила ли так учительница со страху не донести, из желания выслужиться или в искреннем порыве разоблачить троцкиста.

Этот мой троцкизм осложнился неприязнью ко мне классной руководительницы. Ей казалось, что её дискредитируют мои улыбки на уроке. Её уроки химии были действительно чудовищны, они меня совершенно не интересовали, и химия в её исполнении прошла мимо меня (через год, на первом курсе заочного института, я так увлёкся химией, читая толстенный учебник Глинки, что знал его досконально). Улыбался же я не в связи с химией и с учительницей, а каким-то своим туманным мыслям, наплывавшим со скуки параллельно уроку, и одна из учительниц, понимая это, даже дружески советовала мне не улыбаться. Но классная руководительница была уязвлена.

Все это принимало очень скверный оборот, меня собирались исключить из школы и т.д. Мои родители были крайне испуганы, отец пошёл в школу учиненно просить за меня, несмышлённого. Но выручил учитель истории Владимир Ефимович Грановский, который, как он мне рассказал, объяснил учительскому совету, что моё изложение дела не противоречит «Краткому курсу ...» и к троцкизму отношения не имеет.

Учитель истории

Себя Грановский защитить не смог. В нашей школе он очутился недавно, видимо, будучи изгнанным из какого-то исторического заведения в припадке «борьбы с космополитами» и резко выделялся на сером фоне учителей как пристойной одеждой, так и свободным стилем преподавания. Он любил рассказать что-то сверх учебника, исторические анекдоты. Однажды он вызвал меня к доске рассказать о личности Ивана Грозного. Будучи уже наслышан о не симпатичности этого персонажа, я, тем не менее, не решился отклониться от учебника и изложил своими косноязычными словами содержание тех нескольких строк, которые там характеризовали его прогрессивным борцом с самостийностью бояр и за централизованное государство. Видно было, что учитель не для того меня вызвал, но поправлять не стал.

Во время выпускного экзамена по истории Грановский болел, и экзамен проводил директор школы, тоже учитель истории, но, в противоположность, помоложе и бездарный. Видимо, из зависти и неприязни к Грановскому он многих оценил на бал, на два меньше, чем ожидалось. Несколько учеников и я в том числе, получивший незаслуженно «три», после экзамена пошли возмущаться к Грановскому домой. Застали его лежащим в беспомощном состоянии с сильно распухшими ногами. Спокойно выслушав, он утешил нас тем, что годовые оценки выставлять будет никто иной как он, и с учётом оценок в четвертях получится то, что заслуживаем. Так и вышло.

Но школьная клика добилась своего: приблизительно через год он был арестован. Несколько лет спустя я услышал, что он погиб в лагере, а недавно мой друг передал мне совсем другой рассказ: в середине 1950-х годов в Красноярске некто увидел Грановского, выпущенного в жутком виде из лагеря, и услышал от него, что арест был вызван доносом моей классной руководительницы; этот некто посильно помог ему.

Тем временем «борьба с космополитами» была широко развернута, шла злобно. В моем немногочисленном окружении были арестованы отцы двух моих друзей (у одного из них одновременно арестовали и мать, и он остался вдвоем с младшей сестрой, отец другого повесился в лагере), арестовали приятеля моего старшего брата. Внешние обстоятельства и школьные приключения вселяли чувство безнадёжности, лишили оптимистической воли к образованию. Школа была мне тягостна. На выпускной вечер я не пошёл, аттестат об окончании мне вынесли на следующий день в вестибюль.

Поступление в институт

После окончания школы в 1949 году я безуспешно пытался поступить в институты.

Заполнив в МЭИ многостраничную анкету, направился с ней в кабинет заместителя председателя приёмной комиссии Леонида Александровича Баага. Он просмотрел анкету, вернул мне её и объяснил, что нельзя в ней писать, что отец, бывший доцент МЭИ, не был под судом и следствием, ведь он был в 1938 году арестован, и многие преподаватели МЭИ это знают. Выяснив у отца документальные подробности его ареста и освобождения (подробнее об этом в главе 1 первой части), вписал их в анкету. Впрочем, в МЭИ всё равно не попал.

Прекрасно помню свои грехи. В МЭИ получил два за две ошибки в сочинении: перенёс «прекра-сно» и сдуру написал союз «т.е.» полностью, но неправильно – то ли с чёрточкой, то ли без, не помню, как тогда полагалось. Проверяющий мне сказал, что, если бы я написал набело в виде «т.е.», как сделал это в черновике, было бы все в порядке. Там же получил решать не решаемое по моим понятиям уравнение, симметричное относительно двух (!) неизвестных и провёл над ним всё отведённое время. Любопытно, что надсмотрщик, проходя между партами, заметил мои муки и пытался подсказать что-то, но так тихо, что я его не смог понять.

При попытке поступить в Московский строительный институт (он размещался у Павелецкого вокзала) получил два на устной литературе: не четко разобрался в шипящих суффиксах причастий и, сбивчиво прочитав стихи «У лукоморья дуб зелёный...», не смог раскрыть их идейный смысл, бормотал что-то о народности поэта и, видя, что этого мало, – ещё и о неприязни к Кощею (а шёл триумфальный год пушкинского юбилея!).

Так мои нечёткие знания наложились на антисемитскую фильтрацию.

Свидание со Сталиным и его смерть

Однажды привелось увидеть Сталина. Явившись на майскую демонстрацию и отметившись в списке, я из-за строгого присмотра не сумел «слинять» до подхода к Красной площади и затянулся туда вместе с колонной, по пятру в ряду, студентов института. Поблизости от меня в колонну затесался какой-то военный, но, когда уже с Манежной площади колонна оказалась между плотными рядами людей в штатском, этого военного без всяких слов выдернули из колонны, как пробку из бутылки, почти никто и не заметил. А на мавзолее стоял Сталин. Это привело окружающих в такое неистовство, что никто, к счастью, не заметил, что я открывал рот и махал рукой не в пример другим вяло.

Смерть Сталина родители восприняли с большим беспокойством: порядок в стране держался, де, на нём, а без него евреям станет де ещё хуже, и как бы в связи с «делом врачей» не дошло до погромов. Мой старший брат посмеялся над этим прогнозом.

На следующий день мне позвонил мой приятель по институту и позвал вместе с ним «прорываться» к Дому Союзов, где было выставлено тело Сталина. Я удивился такому желанию, а он моей индифферентности. Вместо этого я направился на Каляевскую улицу в моё отделение милиции на предмет обмена паспорта (мой первый паспорт уже отслужил свои пять лет). Там было совершенно пусто, только две паспортистки слушали траурное радио. Хотя они приняли меня за какое-то бесчувственное чудовище, мой паспорт на обмен взяли.

В день похорон я был в институте, и студентов позвали в актовый зал слушать по радио панихиду. Помню, речь Берии показалась мне угрожающей. Когда же зазвучал траурный марш Шопена, со мной случился конфуз. До того дня я слышал эту мелодию только в виде смешной песенки: «Умер наш дядя, как жалко нам его,/ он нам в наследство не оставил ничего./ Тётя хохотала, когда она узнала,/ что он нам в наследство не оставил ничего». Я не мог понять, что эти слова близко передавали ситуацию, но наложение этих слов на столь торжественно обставленную церемонию вызвало едва преодолимую потребность нервного смеха. От страха я немедленно выбрался из зала.

Личные свойства вождей

С дистанции прошедших с тех пор многих лет главные персонажи России двадцатого века представляются иначе, чем тогда.

Эти два политика схожи отправным моментом – образовавшейся в молодости личной ненавистью к существовавшему тогда строю: у Ленина – из-за казни его старшего брата и, видимо, из-за странности семейных отношений, как-то связанных с царским двором, а у Сталина – из-за бедности, национальной ущербности, неудачи в семинарии и, может быть, в поэзии.

Важнее, что они схожи свойствами, обычными для достигших чрезмерно большой власти людей. Не говоря уж о значительных интеллектуальных способностях, это – прежде всего громадное властолюбие, подкрепляемое способностью много и даже очень много трудиться для достижения и удержания власти. Затем, гипертрофия свойства, присущего в той или иной мере всем властолюбцам, – любви и способности к интригам и к манипуляциям людьми, обществом и, если повезёт, целыми народами. В качестве необходимой основы этого свойства можно подозревать беспринципность в используемых методах (но не в целях, о чём дальше). У обоих она тренировалась длительной подпольной деятельностью, а у Сталина – ещё и активным участием в уголовных экспроприациях для партии.

Обоим свойственны жестокое безразличие к бедам своего народа и, тем более, абсолютное пренебрежение людьми, которые являются или кажутся врагами (это своими афоризмами оформил М.Горький). В основе такого своеолия – убеждённость в сверхважности своей цели и отсюда в том, что цель оправдывает средства. Эта целеустремлённость принимала у их сподвижников форму энтузиазма, жестокого не только к другим, но и довольно долго к самим себе. Этот энтузиазм лет 30 был одним из важнейших элементов построения и сохранения строя.

Сходны они и этнически – оба не русские: один, Ульянов, – смесь калмыка (по отцу, если глава семьи Илья Ульянов действительно был его отцом) и шведа с евреем (по матери); другой, Джугашвили, – смесь грузина с осетином. Оба атеисты, Ленин – более, как тогда выражались, воинствующий атеист, он принял столь крутые меры к уничтожению священнослужителей, что Сталину осталось уже мало кого из этого сословия добивать. Тем не менее, нет оснований предполагать, что их происхождение заметно сказалось на их деятельности.

Ленин вряд ли имел какие-то национальные предпочтения. Сталин же, если и предпочитал какую-то национальность, то как раз не свою, а русскую, грузинскость же Сталина внешне наблюдали по склонности к мягким сапогам, грузинскому вину и длинным застольям, а о чем он думал, – кто знает, но известно, что снисхождения к родственникам и вообще к грузинам не проявлял.

Оба были неравнодушны к тому, что в начале Советской власти называлось «национальным вопросом». Но здесь начинаются различия. Ленин – интернационалист, он не терпел русского великодержавного шовинизма, т.е. презрения и притеснений со стороны большого русского народа по отношению к малым народам России. В частности, он был резко недоволен в 1923 году Сталиным и Орджоникидзе, которые в своих интересах грубо обошлись с грузинской частью партии, и даже как будто хотели, чтобы Троцкий донёс это до съезда партии и тем самым вызвал отстранение этих функционеров с их постов (тот почему-то не выполнил этого). Stalin же, напротив, – националист, о чем он после войны оповестил мир провозглашением тоста «За великий русский народ!»; видимо, на примере революционных событий он боялся нерусских народов, считал, что только русский народ способен воплотить в жизнь его мучительные планы.

Не дано знать, насколько устойчивыми оказались бы взгляды Ленина, если бы он жил дольше, но взгляды Сталина чётко выявлены голодом на Украине, зверским переселением на Восток калмыков и народов Крыма и Северного Кавказа. Его антиеврейство вылилось в уничтожение целого ряда людей под видом «борьбы с космополитами» и в подготовку депортации в восточную Сибирь, видимо, всех или почти всех евреев. Многие полагают, что это стало бы началом нового «большого террора». Тут его постигла неудача – до конца жизни не успел осуществить этот последний из своих замыслов.

У Ленина беспринципность и манипуляции были вызваны, в основном, изменяющимися условиями, в которых он продвигался к поставленной цели или вынужденно отступал от неё. У Сталина к этому добавлялась значительная доля садизма. Пример замечательно издевательской похвальбы – афоризм 1936 года: «Жизнь стала лучше, товарищи, жизнь стала веселее!»

Склонность к издевательству над отдельными людьми и целыми народами была связана у Сталина не только с садизмом, но и с осторожностью, даже с трусостью.

И есть одно различие. Ленин – человек западный, пришедший к власти путём извилистой борьбы с обществом, которое он считал враждебным. Stalin же – восточный деспот, возвысившийся среди поверженных лидеров партии и соратников; отсюда ленинские манипуляции прозрачнее и откровеннее запутанного сталинского коварства.

Простое сопоставление. Ленин в интересах своего дела терпел рядом с собой исключительно способного и полезного деятеля – Троцкого и, видимо, доверял ему, хотя многие считали того даже важнее Ленина. Stalin же не доверял никому, безжалостно уничтожал своих действительных и потенциальных конкурентов (и в первую очередь недавних соратников, которых умел стравливать) и терпел в своём ближайшем окружении только ничтожеств (это не относится к Берии, который зато превосходил остальных злодейством). Последнее, в частности, привело к позорному провалу начала войны 1941 года (об этом чуть дальше) и к громадным потерям в её ходе.

На отдалённых от него ступенях иерархии он, бывало, поддерживал способных и знающих людей, любил человека унизить, а потом, как ни в чём не бывало, поддержать, но бывало и наоборот – сначала поддерживал, потом унижал и уничтожал.

Ленин был несколько образованнее Stalina. Это сказалось на характере их сочинений. Многие сочинения Ленина наполнены плохо организованной научной полемикой, за сложностью и мелочью конкретностью которой часто вообще теряется смысл, а сочинения Stalina многие предпочитают за подкупающую ясность. Это обязано, однако, большей простоте и даже примитивности понимания проблем, но также и тому, что он недостаточно владел русским языком для того, чтобы покуситься сложно мыслить. (Вынужденный иногда писать немецкие тексты, я теперь понимаю, откуда берётся подобная ясность.)

Парадоксальным образом интерес к культуре они испытывали в обратной пропорции к образованности. Ленин вместе с его женой Крупской был безытен, страстно поглощён политикой и разным отвлечениям предавался мало, хотя известно, что кое-какие литературные и музыкальные сочинения ему нравились. В целом же он относился к культуре, как и к интеллигенции, пренебрежительно и враждебно, а на практике – только утилитарно, в интересах партии. Stalin же много и с удовольствием читал, слушал, смотрел, а свои любительские впечатления вносил в практическую жизнь для жёсткого и во многих случаях жестокого руководства всеми аспектами культуры

включая даже конкретные события и людей. Цели этого деспотического руководства были чисто самовластными, часто противоположными естественному развитию культуры. Он играл с выдающимися деятелями культуры, как кошка с мышкой. Многие из них по его указаниям были уничтожены физически и ещё больше морально.

Их цели

Начав с молодости рассматриваемых персонажей, продолжим изложение сопоставлением их целей.

Идеальная цель Ленина – сокрушить буржуазный строй везде в мире и привести мир к марксову социализму. Пути к этой цели изменились по мере столкновения его мечты с реальностью. Уже Маркс заметил, что развитие стран происходит неравномерно и достичь этой цели сразу и везде невозможно, отсюда мысль о постепенности социалистической революции: сначала «в одной отдельно взятой стране», преимущественно наиболее развитой. Ленин и за ним вся его партия поверили в главный постулат о начале в одной стране, но в качестве такой страны наметили свою Россию, хотя она значительно уступала в развитии некоторым другим странам. Ленин и с ним Троцкий понимали, тем не менее, что произвести-то революцию можно, и под их руководством она произошла, её назвали социалистической, а вот прийти к действительному социализму «в одной отдельно взятой стране» – напротив, не удастся. Ведь по научному замыслу социализм есть не только легко достижимое после революции обобществление производства, но и демократия, включая даже отмирание государства, а это предполагалось недопустимым в капиталистическом окружении, рассматриваемом как враждебное. По мысли руководителей революции из этого следовало, что с построением социализма нужно подождать, пока социалистические революции не произойдут хотя бы в основных странах Европы, а тем временем нужно вкладывать средства в ускорение этого процесса путём усиления там социальных и интеллектуальных брожений. Источником же средств для этого, а также для постепенной индустриализации и милитаризации своей страны должны были послужить избыточные, по их мнению, доходы крестьян, особенно богатых: кулаков и даже середняков, а на самом деле – бедняков тоже.

Поскольку некоторые части дореволюционной России сумели за-благовременно отделиться, обобрать крестьян во всей прежней стране

не удалось и Ленину пришлось сосредоточиться хотя бы на её оставшейся части. Поскольку же и это не получалось и централизация вместе с изъятиями продовольствия породили опасные для власти восстания (наиболее известные – в Кронштадте и на Тамбовщине), – в 1921 году пришлось создать некий симбиоз – дополнить централизацию, государственный капитализм, некрупным частным предпринимательством (это было названо новой экономической политикой – НЭП).

Все эти мечтательные туманные разговоры о всемирном благоденствии практичному Сталину были чужды. С уходом Ленина от дел в 1922-23 годах, Сталин, «сидя на кадрах» партии, с помощью постепенных аппаратных интриг сначала раздался Троцким (он – второе после Ленина лицо в партии был в 1928 году выслал в Алма-Ата, скоро после этого уехал из страны и в 1940 году был убит сталинскими приспешниками в Мексике). Затем Сталин свернул НЭП, объявил экстренную индустриализацию, и параллельно с уничтожением остальных соратников Ленина уже в 1936 году объявил, что социализм построен. А чтобы оплачивать индустриализацию (ввоз в страну промышленного оборудования, содержание иностранных специалистов и т.п.), потребовался глобальный вывоз из страны зерна, отсюда – коллективизация и голод. Параллельно происходило истребление всех, кто был против самовластья, против принятых мер или заподозрен в таких грехах: от крестьян до политбюро правящей партии.

Могла ли Сталина смутить подмена марксова «научного социализма» тем состоянием общества, которое он назвал тоже социализмом? Нет, ведь на самом деле получилось желаемое им: полностью централизованное хозяйство страны под управлением его личным и, отчасти, кучки накрепко зависимых от него приближенных, которых он в интересах личной безопасности постоянно перетасовывал. (Чтобы избежать упрёков во лжи относительно социализма, этот его вид при правлении Брежнева объявили «реальным социализмом», отделив его тем самым от как бы химеры идеально-научного).

Цель Сталина, которую он, человек скрытный, никогда, насколько известно, публично не формулировал, по-видимому, помимо главного – личной власти, заключалась в том, чтобы ленинские территориальные и социальные потери и уступки взять назад и вернуть страну к полной централизации и к границам царской России, а если повезёт, пойти и дальше. Легко предположить, что эта сверхважная в его пред-

ставлении цель оправдывала ему сладость властолюбия и жестокость употребляемых средств. Она была достигнута: частное предпринимательство уничтожено, крестьяне согнаны в колхозы и совхозы, ужасной ценой создана громадная милитаристская империя, включившая в себя даже ряд стран восточной Европы.

Дискуссии о социализме в одной или не в одной стране, как и многочисленные дальнейшие речи о внутренних и внешних делах страны, служили циничным прикрытием громадных жертв народа. О них ни Ленин, ни Сталин не говорили (безразличен к этому был и упомянутый Троцкий, как и партия в целом). Многие в стране о них не догадывались или старались не догадаться.

Но вот пример обратного. Передают, что в 1933 году один из важных партийных энтузиастов с наивной прямотой так восхитился украинским голодомором, в организации которого он активно участвовал: *«Между крестьянами и нашей властью ведётся жестокая борьба на смерть.... Понадобился голод, чтобы показать им, кто здесь хозяин. Это стоило миллионов жизней, но мы выиграли»*.

Через несколько лет он был расстрелян, но, конечно, не за чудо-вищную жестокость его слов и действий, а за как будто недостаточную преданность.

Централизация и война

Упомянутое здесь централизованное управление уместно в армии, но и там не исключено некоторое его ограничение военным советом и разрешением не выполнять преступный приказ. Если же такое управление полностью охватывает общественную и хозяйственную жизнь страны, то это постепенно, но уверенно ведёт от восклицаний о «коллективном руководстве» и о законности к тому, что, избегая слишком резких терминов, можно назвать авторитаризмом, диктатурой (не класса, например, пролетариев, а личности), тиранией. Такой процесс произошёл в СССР за 10-20 лет, и результат проявился с ужасной наглядностью уничтожением громадного количества людей в начале и в конце 1930-х годов и затем совсем катастрофически во время второй мировой войны.

В начале 1941 года генеральный штаб армии знал о развертывании вдоль границы своей страны многомиллионной армии гитлеровцев и их союзников. Даже после недавнего уничтожения громадного числа военачальников, в штабе ещё должны были остаться специали-

сты, понимающие непреложное: что бы ни говорили чужие (Гитлер) и свои политики, ни какой иной цели кроме скорого нападения на страну такая концентрация чужих войск необъяснима, и нападение уже неминуемо и близко. В такой ситуации, как известно, имеются два варианта: или быстро нанести упреждающий удар, или позаботиться об обороне.

К первому варианту были ещё не готовы и торопливо создавали тоже близь границы громадную армию, предназначаемую не то для подготовки будущего рывка на Запад, не то для обороны – на этот счёт сейчас имеются разные мнения. Но кажется естественным, создавая поэтапно диспозицию этой армии, в такой опаснейшей ситуации неукоснительно не снижать ни на каком из этапов способности армии к самосохранению и к надёжной обороне страны. Но генеральный штаб не решился представить Сталину достаточно безопасную стратегию переформирований приграничной армии и настоять на ней. А он, не имея военного образования и вовсе не будучи военным человеком, занимался привычным: руководствовался общеполитическими химерами, собирая информацию и дезинформацию и утонул в ней, занимался политическими блефами, пытался переиграть в этом гитлеровцев, но – игнорировал простую и суровую военную реальность.

Начальником Генерального штаба последние месяцы перед войной был Г.К. Жуков (с 14.01.1941 по 30.07.1941), и он впоследствии, лукаво избегнув конкретизировать обстоятельства, всё-таки хотя бы в общих словах описал свою бездеятельность: *«В период назревания военной обстановки мы, военные, вероятно, не сделали всего, чтобы убедить И.В. Сталина в неизбежности войны с Германией в самое ближайшее время и доказать ему необходимость проведения в жизнь срочных мероприятий...»* В сущности же, руководители генерального штаба (казалось бы, бесстрашные военные люди!) были так запуганы, деморализованы расстрелами своих предшественников или так тупо обожествляли гений Сталина, что преступно не выполнили непрекаемо должного.

В результате, была потеряна громадная армия, и многочисленное население на большой и очень значимой части территории страны осталось бедовать в руках жестокого врага. Сталин с его военачальниками в ходе войны медленно учились на своих непростительных ошибках, а народ, жесточайшим образом ведомый ими без оглядки на потери, – перетерпел неисчислимые беды. И выстоял.

Суть катастрофы начала войны характеризует здесь, конечно, не столько трусость или глупость высших военачальников, не в их личностях дело, их можно бы и забыть, а главным образом ту систему страха, которая была создана под руководством Ленина и потом доведена до абсурда Сталиным и не оставила народу никаких других военачальников.

Крах постройки

Несмотря на успехи в подрыве сельского хозяйства и в создании промышленности, в основном только военного назначения, экономика советского, а затем и российского ядра империи, его культурные и интеллектуальные возможности, его моральное состояние оказались несостоительными. Во второй половине двадцатого века все эти свойства ядра износились и окончательно перестали соответствовать потребностям как своего населения, так и, тем более, периферии, – и империя развалилась.

Сталин не смог предвидеть, что жёстко централизованное управление, основанное к тому же на милитаристском национализме, имеет столь ограниченные возможности. Тем более не была осознана этническая и интеллектуальная катастрофа, с самого начала века создаваемая в стране, с одной стороны, войнами, репрессиями, преступностью, голодом, эмиграцией и, с другой стороны, почти полной изолированностью народа от остального мира. Для понимания этого нужен был бы совсем другой культурный уровень, совсем другие соратники. В этом смысле Ленин, как показывают его метаморфозы, был более понятлив, но вряд ли человеку доступно подобное самоограничение среди, казалось бы, таких успехов, каких хотя бы внешне достиг Сталин и которыми столь многие наивно восхищались как внутри страны, так и вне её (некоторые в восторге и до сих пор).

Говоря укрупнено, что, собственно, произошло? Правители страны, сами устав от ужаса пребывания в этой системе, очень скоро после смерти Сталина в 1953 году отказались от наиболее ярко выраженных репрессивных порядков и действий. Это повлекло за собой необходимость подкормить несколько уже осмелившее население и пристроить его в хоть какое-то жилье. Это в свою очередь оказалось невозможным в силу неэффективности централизованной и обросшей бюрократизмом экономики, обременённой дефицитом наличных ресурсов и

к тому же бесцельными, но почти постоянно беспрецедентно-громадными военными расходами. Агония продлилась почти 40 лет (1953 – 1991 годы).

Ленин управлял страной всего 5 переходных лет (1917 – 1922 годы), а Stalin целых 30 лет (1923 – 1953 годы). Именно за его правление население укрепилось в ещё дореволюционной привычке к неукоснительному единонаучалию и к жестокости власти, к своей безынициативности среди трудностей выживания, но зато и к приятной растроеннности и вдобавок в своей в каком-то смысле избранности и в величии государства. За следующие уже упомянутые 40 лет более мягкие последователи Сталина мало изменили это положение. Ещё 10 лет (1991 – 2001 годы) страна не очень успешно пыталась измениться путём создания подобия капиталистических отношений (ранее, приблизительно к 1930 году, круто свёрнутых), и этим изменениям сопутствовали казнокрадство, беззаконие, переделы собственности и, отсюда, исключительно резкое имущественное расслоение населения. В то же десятилетие появился слой людей, заинтересованных в законности и отходе от излишней централизации, временами они становятся активны. Последние годы ещё раз делается попытка усилить централизацию управления и экономики, а также вернуться к устаревшей идеализации общества и к непропорциональной вооружённости. Не будем гадать, как далеко это зайдёт, но ясно, что уменьшился лишь размер страны, а опасность та же.

Приход ясности

Жестокость и коварство Сталина и его соратников стали очевидны самое позднее с конца 1950-х годов, и можно дискутировать только о количестве погубленных людей и о том, насколько именно была губительной эта власть для судьбы народа в целом. Циничная жестокость Ленина становилась ясна с 1980-х годов – постепенно, по мере раскрытия архивов; свидетельства же очевидцев уже почти отсутствовали, так как трудами Сталина связь поколений была разорвана.

Несмотря на запутанность «проблем социализма», нам пора подвести итог сопоставлению:

- Для Ленина Россия была инструментом построения социализма во всем мире, и ради этой отдалённой интернационалистской цели он жертвовал и территорией России, и её населением. Его ранняя

смерть, строго говоря, лишает фактической основы утверждение относительно утопического характера его цели, хотя она и выглядит химерой. С другой стороны, гадательно, так ли уж была объективно обусловлена ходом истории дальнейшая подмена его цели целью Сталина.

- Сталин рассматривал Россию как всесильный центр могущественной империи, управляемой жёстко централизованно. Социалистические лозунги, которым он сам и его приближённые то ли верили, то ли нет, лишь пропагандистски камуфлировали действительность – традиционный национализм и агрессивный милитаризм. На пути к этой империи в стране погибла значительная часть населения, и это произошло как по невежеству, так и выполнено вполне сознательно: в интересах достижения и сохранения личной власти и в интересах сверхцели – империи.

При всех значительных различиях целей и методов, упомянутый камуфляж под социализм довольно ясно демонстрирует ироническую справедливость партийного афоризма, придуманного для возвеличения Сталина: «Сталин это Ленин сегодня».

Несколько в стороне от темы данного текста находится вопрос, гораздо более важный, чем личности двух персонажей, вопрос о том, что их радикальное самовластие вовсе не висело в воздухе, а было поддержано в России, пусть не всеми, но вполне достаточно для его яркого проявления. Этой обширнейшей проблемой занимались многие, так что здесь ограничимся очень кратким изложением лишь мнения, не претендующего на то, чтобы исчерпать тему.

Ленинские первоначальные действия: заключение мира с Германией и, главное, позвание захватывать чужую землю, экспроприировать барское имущество (по свидетельству В.Г. Короленко говорилось «грабежка») и т.д. – очень удачно легли на почву давних крестьянских ожиданий. Но не только: они совпали и с романтическими мечтами части российского образованного общества (например, некоторое время динамизм нового общества обожествлял А.Блок – поэма «Двенадцать»).

Коллективизация оттолкнула от Сталина и частично уничтожила наиболее трудоспособную часть крестьян, она опять вызвала общее обнищание. Но тяжесть положения компенсировалась в сознании лю-

дей, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, многие воспользовались интенсивными социальными лифтами, которые обрелись расширением промышленности и армии, а также репрессиями наверху. Во-вторых, власть развернула тотальную пропаганду относительно успехов страны, мудрости и заботы вождя, счастья людей труда, а также относительно врагов, как внутренних, так и внешних, и эту пропаганду поддержала тоже тотальной системой сыска и репрессий.

Лифты, пропаганда и, подсознательно, страх порождали искреннюю преданность власти и энтузиазм многих людей, без чего была бы невозможна стабильность полностью централизованного общества.

По справедливости говоря, сталинизм построил удивительно не-противоречивую внутри себя систему, но как раз в еёном совершенстве обнаружилась и её слабость: постройка оказалась очень неустойчива, ей требовались обязательно все вложенные в неё кирпичики, при потере одного начинали осыпаться другие. Приблизительно ко времени смерти Сталина интенсивность лифтов исчерпалась, с его смертью предмет культа исчез, страх и с ним вместе эффективность пропаганды ослабли, и как результат этого – экономически несостоительная милитаризованная система постепенно начала разрушаться. Она уже через 30 лет после смерти Сталина ясно показала свою не жизнеспособность и через 40 лет разрушилась.

Заключение

Изложенное выше можно упрекнуть во многом. Не сомневаюсь, что в нём можно обнаружить субъективность взгляда, ошибки в упоминании фактов.

Важнее же другое: вне рассмотрения оказалась связь с теми объективными процессами развития России, которые подготовили деятельность наших персонажей, и с мировыми процессами, современными им.

Более того, не сделано скидки на то, что, будучи, как и их жертвы, винтиками в машине истории, они не были вполне свободны в выборе своих действий. С этими упрёками невозможно не согласиться, но одновременно нужно не упускать из виду, что человеку дана свобода воли, а наши энергичные персонажи пользовались этой свободой на редкость активно, непозволительно своевольно.

Россия – между Востоком и Западом, между прошлым и будущим

Немного истории

Споры о том, является ли Россия европейской страной или азиатской, последние 200 лет то затихают, то азартно возобновляются. В сущности, спорили разного рода модернизаторы с разного рода традиционалистами, и временами обе стороны имели вполне веские доводы.

Эта проблема возникла в начале XIX века в виде полемики между западниками и славянофилами; в ней участвовали очень известные, образованные и уважаемые люди.

Западники вдохновлялись широким знакомством с Европой, возникшим в результате борьбы с Наполеоном. Это знакомство наложилось на то, что, образованная часть российского населения уже во времена Киевской Руси и Московского царства восприняло византийскую культуру и затем под модернизаторским влиянием Петра I – западноевропейскую. Славянофилы же чувствовали, что более широкая часть населения чужда этой культуре, ориентирована на более глубинные верования и представления, заменить которые западными ценностями было бы слишком болезненно. Некоторые, и чуть позже Д.С. Мережковский, наиболее яркого из модернизаторов, императора Петра I, называл даже антихристом.

Во второй половине XIX века споры несколько утихли, так как Россия медленно, рывками продолжила идти по западному пути, хотя осуществляла упорную экспансию в другую сторону.

Одним из последних традиционалистов был Л.Н. Толстой, ему не нравилось разрушение крестьянской общины. Трудно сказать, были ли осуществимы его взгляды на практике, над ними свысока потешались многие, но его опасения подтвердились дальнейшим катастрофическим развитием.

Почти весь XX век эти проблемы, как и большинство других, не дебатировались (не считая уничтожения слабых оппозиционеров, предлагавших опираться в развитии СССР на крестьянство), поскольку стране была диктаторски навязана решительная модернизация. Она однобоко касалась только производства и, действительно, сопровождалась успехами промышленности, прежде всего военной. С этой целью и просто походя изживалось крестьянство, отсюда упадок сель-

ского производства, бедность громадного большинства народа. Эта модернизация сопровождалась полным уничтожением общественной жизни, она оплачена громадными жертвами народа.

Современная проблема

Осознание необходимости перестройки порядков в стране и затем в крах СССР снова выдвинули проблему выбора пути. Теперь эта проблема представлена в виде двух возможных типов модернизации: или рыночные механизмы и демократия приблизительно западного образца, или опять-таки рыночные механизмы, но сильно ограниченные государством и громадными государственными же концернами, и ещё более ограниченное, «регулируемое» самоуправление приблизительно по образцу Китая. Достоинства и недостатки первого из этих вариантов хорошо известны по западному опыту и поэтому он не особенно детализируется. Второй же как более свежий рекламируется обещанием не только модернизировать экономику, но и обеспечить социальный мир, освоить наннотехнологии, космос и, в то же время, добиться могущества страны за счёт монопольной продажи энергоресурсов и усиленной милитаризацией.

После распада СССР Россия уже не является гегемоном многих общинностей, составлявших одну из двух сверхдержав мира. Наряду с другими странами, входившими в зону СССР, она оказалась между двумя громадными, не соизмеримыми с ней цивилизациями: с западной стороны – европейской, за спиной которой стоит ещё и Северная Америка, и с восточной стороны – китайской и, говоря более широко, – восточноазиатской. Большинство западной части этой зоны уверенно вошло в сферу Европейского союза, восточные страны (Средняя Азия) всё больше тяготеют к Китаю, а некоторые, Белоруссия и Казахстан, как и Россия, свой окончательный выбор, думается, ещё не сделали.

Для России этот выбор очень не прост.

Вхождение в Европейский союз потребовало бы от неё существенной модернизации не только производственной, но и общественной сферы, отказа от стремления к гегемонии. Да и Россия считается слишком громоздкой для плотного вхождения в Европейский Союз, непропорциональной по сравнению с другими его странами. Так, население самого крупного государства этого Союза – ФРГ составляет

всего 60% от населения России (заметим, при в десять раз большем ВВП на человека). В силу этих обстоятельств российское руководство не видит приемлемой для себя, достаточно почётной роли в сотрудничестве с Европой.

Альтернатива – сближение с Китаем. Но по отношению к решительно развивающемуся Китаю Россия, наоборот, настолько мала (раз в пять по ВВП и в десять раз по населению), что равноправные отношения между ними вряд ли возможны. Скорее, возникла бы система метрополия-протекторат, если не ещё унизительней. Более того, сближение с этой совсем иной цивилизацией, несущей в себе древние традиции и перерабатывающей их, потребовало бы от ряда российских поколений кардинальной ломки европейского сознания. За последние десять веков оно в какой-то мере уже создано – сначала в византийском варианте, на который последние три-четыре века рывками накладывается более продуктивный западноевропейский вариант. Теперь это свойственно большинству россиян, но, правда, только когда они не подвергаются тотальной антизападной пропаганде.

Мучительный выбор подменяется и затемняется мутной мечтой об евразийстве, пущенной в ход в 30-х годах прошлого века.

Цель того евразийства, – служа противовесом ужасу перед режимом, созданным в СССР, соблазнять российских эмигрантов на служение стране, как бы принявшей на себя великую миссию некого особого мученичества на пути к построению духовного моста справедливости между Западом и Востоком. Не сумев найти место в эмиграции, некоторые тогда поверили этой идее и – попали в руки её авторов.

Кое-кто теперь воскрешает этот лозунг. Даже мыслится создание под эгидой России Евразийского Союза, включающего кроме неё очень разные государства: Белоруссию, Украину, Казахстан и т.д. На пути к такой сложной, чтобы не сказать – ложной, конструкции много трудностей, и, может быть, важнейшая из них – страх приглашаемых членов перед жёстким диктатом России. А самая явная трудность – обнаружившееся настойчивое стремление Украины вовсе не в этот, а в Европейский Союз.

Идея этого Союза сопутствует ещё и идея Русского Мира, простирающегося куда-то в безграницную даль от России, где бы ни оказались понимающие русский язык. Этот Мир в чуть изменённом виде оживляет мечту XIX века о Славянском Мире; хотя та была всё-таки более ограниченной географически; под её знаменем не раз воевали, и было пролито много крови.

Две новейшие идеи очевидно несовместимы: идея Евразийского Союза наднациональна, а Русского Мира – нескрываемо националистична, что не может не отпугивать другие народы, особенно соседей. Не исключено, что провозглашение Русского Мира ещё более опасно внутри России. Ведь она многонациональна, и многие люди не русской национальности, от малочисленных камчадалов до многочисленных татар, могут почувствовать себя внутри этого Мира, не российского, а избирательно и демонстративно русского, очень дискомфортно.

От этой пропаганды недалеко до уже известных катаклизмов национальной розни.

Россия на карте Евразии

Обсуждение проблемы путей вертится вокруг важной темы о степени готовности населения России к самоуправлению и демократии и, насколько известно, не акцентирует другой вопрос – имеет ли страна в целом (или в виде каких-то её частей) экономический потенциал для развития или хотя бы для сохранения на существующем уровне. Не ясно, почему этот вопрос не акцентируется – из политкорректности или из страха задуматься. Между тем глобализация экономики, культуры, науки и вообще жизни на Земле оборачивает проблему Запад-Восток решительно новой стороной, не столь ясной ещё лет 30 назад. Чтобы принять во внимание эти изменения, нужно обратиться к некоторым географическим обстоятельствам, так сильно влиявшим на жизнь России в прошлом. Им, может быть, ещё сильнее предстоит проявиться в будущем.

Видимо, нужно начать с того, что Россия – это не Европа и не Азия, а северо-восточная окраина Европы и северо-западная окраина Азии. В глазах европейцев и азиатов, проживающих по сторонам от России, обе окраины из-за холодного климата мало пригодны для производительной деятельности и даже просто для проживания человека. Отсюда малая плотность населения России по сравнению с Европой и Китаем, малый интерес к ней со стороны соседей и к тому же относительная неуязвимость её для их посягательств. Отсюда же, наоборот, упорная экспансия России на протяжении последних пяти веков в сторону Запада, Юга и Юго-Востока – понятное стремление к морям и теплу.

Сопоставления

Россия – самая холодная страна в мире. В этом отношении наименее близкий аналог России – Канада. Территории обеих стран находятся в основном севернее 50-ой параллели. Но не полностью. В России южнее находятся следующие города: в европейской части – немного южнее Волгоград, далее Ростов и ещё более южные территории, а в азиатской части – немного южнее Хабаровск и сильно южнее Владивосток. В Канаде южнее находятся почти все главные города: немного южнее – Ванкувер и Виннипег, значительно южнее – Оттава и Монреаль; именно там проживает основная часть населения. В целом, омываемая с двух сторон океанами Канада и на одинаковых широтах значительно более благоприятна климатически, чем Россия.

Интересно сравнить эти две страны по самым общим недавним показателям. Из помещённой ниже таблицы видно, что более приятный климат Канады не помешал тому, что её плотность населения в 2,6 раза меньше, чем в России. (Вспоминается беспринципное сожаление по поводу Канады: «Над Канадой небо сине, / Меж берез дожди косые, / Так похоже на Россию, / Только все же не Россия.»)

Показатель	Россия	Канада
Площадь, млн. км ²	17	10
Население, млн. человек	144	33
Численность населения на км ²	8,5	3,3
ВВП US \$ на человека	11000	30000

Это сопоставление вряд ли можно понять, если забыть о различии общественного устройства двух стран. Канада – страна с границами, изначально практически открытыми, она – одна из стран среди громадного англоязычного и франкоязычного мира, и поэтому её экономика создавалась по понятиям этого мира, а население сформировалось в соответствии с естественным желанием людей находиться в этой стране или покинуть её. В этом отношении она может служить некоторой ориентировочной моделью естественного заселения страны с не очень комфортным климатом.

Другое дело Россия, гораздо более закрытая страна. В XVI-XVIII веках имел место важный, но небольшой приток европейцев, а в XX веке довольно значительная эмиграция. В начале века она была вынуждена гражданской войной. Только в конце XX века стала воз-

можной естественная эмиграция, связанная со стремлением к более комфортной жизни и с потребностью профессиональной реализации; этот движение имеет тенденцию к продолжению. Наконец, в XIX и в XX веках с территории бывшего СССР происходила значительная эмиграция евреев и в XX веке – немцев; небольшая часть этой эмиграции пришлась на Россию.

Гораздо большее влияние на численность и качество населения СССР оказала гибель людей: а) во время войн этого века, б) в результате нескольких голодных периодов, в) в результате репрессий по отношению к действительным или потенциальным врагам существовавшего режима, и по отношению к слишком влиятельным друзьям этого режима, г) из-за бедности с сопутствующей высокой смертностью от пьянства, наркомании, плохой медицинской помощи, разнообразных аварий.

С другой стороны, бедность и замкнутость благоприятствовали увеличению населения и достижению имеющейся плотности, удивительной для столь холодной страны. На территории России создалось население, настолько изолированное от остального мира, что оно не сравнивало себя с населением западных стран и считало своё состояние не бедным, а естественным, единственным возможным (здесь не имеется в виду совершенно особая часть населения – дворянская элита XIX века, создавшая великую литературу). Такое положение начало разрушаться только в середине XX века после смерти И.В. Сталина; процесс ускорился в конце XX века благодаря ликвидации отгороженности страны от внешнего мира.

Возникли две попытки модернизации экономики: первая связана с Н.С. Хрущёвым и А.Н. Косыгиным – с 1955 по конец 1960-х, вторая – объявленная недавно.

Первая попытка сделала более безопасной общественную жизнь, улучшила и оживила её и принесла плоды в области мирного производства, но плоды небольшие, поскольку была резко прекращена противодействием консервативно настроенной части руководящих структур. Эти традиционалисты не особенно углублялись в прошлое страны, а опирались на воспоминания о недавних благах сталинского периода.

Важно, что вторая попытка модернизации идёт, как и первая, – сверху; её ведёт система почти в той же мере централизованного управления экономической и общественной жизнью. Эта попытка довольно настойчиво опирается почти на те же воспоминания об СССР,

теперь более удалённые и специально смягчаемые. Между тем она приходится на иные условия: уже имеется некоторый обмен информацией, нет препятствий со стороны властей для въезда и выезда. Одновременно говорят о будто бы заманчивом опыте Китая а, призывая перенимать этот опыт, умалчивают о многом. О несравненной способности китайцев трудиться ещё недавно за малую по сравнению с Россией оплату, о наличии в Китае действенной, а не эфемерной правящей партии с периодически сменяемым руководством и об удивительной последовательности проводимой ею модернизации сверху.

Приведённое выше сопоставление позволяет предположить, что в случае сохранения существующего направления развития России плотность её населения постепенно приблизится к той плотности, которой со временем будет располагать Канада, и тогда её население уменьшится до 70-100 млн. человек. Не известно, понимает ли возможность такой перспективы руководящая элита России, но видно, что она не оказывает этому практического противодействия, хотя идущий не управляемый процесс социально катастрофичен. Может быть, он признан неуправляемым в принципе, или молчаливо смирились с ним как с фатальной неизбежностью: мол, приблизительно такое количество людей, а не большее, сможет удовлетворительно (приближаясь к западным стандартам) жить на доходы от эксплуатации природных ресурсов и благодаря своим не очень продуктивным трудам.

Перспектива закрытости страны

Любопытный вариант противодействия неблагополучному процессу развития России можно почерпнуть в книге А.П. Паршина «Почему Россия не Америка» (изд. Крымский мост-9д, Форум, Москва 2001, 411с). В ней уделено пристальное внимание тому, что исключительно холодный климат России лишает любое производство в ней способности конкурировать на мировом рынке (тут речь не идёт, конечно, о добыче природных ресурсов). Рассуждения этого автора, который представляет себя в качестве приверженца сталинизма, приводят его к выводу, что Россия должна решительно изолировать себя от внешнего мира: никаких открытых границ, недопущение иностранных товаров на внутренний рынок, никакого участия в ВТО и т.п. Автор безнравственно не обращает внимания на то, что этот путь уже опробован

Россией, – он ведёт к отсутствию общественной жизни, деградации культуры, милитаризации почти натурального хозяйства и к суворой бедности подавляющей части населения.

Пугает ли такая перспектива руководящую элиту, – кто знает? Но, как не раз замечено, она лишила бы правящий слой разнообразных приятных связей с Западом, и хотя бы поэтому последовательное движение по этому пути вряд ли реально, и мы воздержимся от его дальнейшего обсуждения.

Модернизация западного типа

Этот тип модернизации вряд ли может обойтись без того, чтобы понять объективно существующие условия, принять их и последовательно интегрировать страну в западный мир, имея в виду приблизительно канадский образец. Для этого пришлось бы сконцентрировать усилия общества на социальных задачах и создании той промышленности и инфраструктуры, которые наиболее отвечают неблагоприятным природным условиям и, к счастью, имеющимся преимуществам страны. Это прежде всего – отрасли промышленности, обслуживающие добычу, обработку и транспортировку природных ресурсов (имеются в виду средства восстановления природы).

Нельзя не заметить важнейшую особенность российской территории. Её громадная протяжённость не только разобщает цивилизационные центры Западной Европы и Восточной Азии, но и делает её, к счастью, важным мостом между ними. Велики также расстояния между важнейшими районами внутри страны, что, к сожалению, затрудняет, замедляет и удорожает их функционирование как единого производственного и общественного механизма.

Отсюда следует целесообразность создания быстрых и удобных транспортных магистралей прежде всего в направлении Запад-Восток: Европа – Китай, Япония (возможно, целесообразно участие в связях и в направлении Север-Юг: Европа – Индия). Как раз этот мост, не маниловский, а реальный, может парадоксально выразить пресловутое евразийство. И конечно, любые важные магистрали должны быть увязаны с магистралями соседей.

Важнейшее обстоятельство: хорошие транспортные магистрали за одно послужили бы укреплению связей между производственными и культурными центрами внутри страны.

Наконец, нельзя забыть возможности экзотических приключений в малонаселённых районах России.

Размещение объектов производственной деятельности и населения приходится увязывать с климатом: объектам, не привязанным непосредственно к использованию природных ресурсов, место в наиболее тёплых частях страны.

Нужно ли по примеру некоторых энтузиастов СССР стремиться выращивать апельсины в тундре или заниматься высокой наукой в Сибири? Для апельсиновых садов подходит, например, Испания, а для занятий передовой наукой и техникой, для культурных мероприятий существует множество мест на Земле, обладающих более подходящим климатом, лучшей инфраструктурой и пр., чем Сибирь или Север Канады. Среди таких мест и Юг России. При открытых границах в такого рода районы и стремятся специалисты из всех менее выигрышных мест, и это свойственно не только России.

Конечно, непривычный и болезненный процесс миграции людей как внутри России, так и через её границы должен быть гуманно поддержан обществом – экономически, в отношении образования и т.п.

Даже если признать изложенное выше похожим на правду, вызывает большое сомнение возможность совместить модернизацию общества с его великодержавными устремлениями. Общество и в первую очередь его образованная часть должны осознать, что существование Российской империи, как, например, и бывшей Британской или Французской, невозможно в условиях экономического и национального подъёма на зависимых территориях. Более того, в условиях глобализации жизни сохранение империи было бы обременительным и даже просто не рациональным для самой метрополии. Болезненно отдавшись от зависимых территорий и народов, народы упомянутых Франции и Британии отнюдь не стали беднее и несчастнее.

Перед народом России стоит аналогичная сложная психологическая задача – освободиться от устаревших великодержавных и милитаристских представлений, от обид на будто бы благодетельствованных, но неблагодарных соседей и от подозрительности по отношению к ним. Ему предстоит осознать свою самодостаточность в имеющемся виде и проявить свою способность к глубокой модернизации во взаимодействии и в равноправной дружбе с другими народами и, особенно, со всеми соседними. Ведь главная цель общества – благополучие его членов, а не могущество державы и не страх её соседей.

Итог

Не приходится сомневаться, что путь модернизации западного типа требует целенаправленного преодоления немалых трудностей, социальных, политических, психологических и, конечно, экономических. Но он сулит народу модернизированной мирной России длительное и стабильное благополучие.

И – осилит дорогу идущий!

Добавление

Интереснейшие соображения содержатся в большой статье Ю.Афанасьева, Ал. Давыдова, Анд. Пелипенко, иронически названной «Вперед нельзя назад!» и опубликованной в журнале «Континент» №141, 2009. По форме статья является рецензией на известное взвывание президента страны «Вперед, Россия!», но далеко выходит за эти рамки. Авторы решительно полемизируют с президентом путём развернутого анализа имеющегося состояния чувств и умов в России и на основе обращения к глубоким истокам этого состояния.

В сущности, эта статья удачно представляет как бы комментарием к последней фразе предыдущего раздела: «И – осилит дорогу идущий», оставляющей открытый вопрос об участниках и инициаторах процесса модернизации. Коротко говоря, авторы статьи утверждают, что идущих собственно нет, идти уже некому. Не говоря о более отдалённых обстоятельствах, причина этого коренится в этнографической и интеллектуальной катастрофе, переживаемой страной уже 100 лет. Этот пессимистический взгляд – может быть, излишне пессимистический – приводит авторов к печальному прогнозу деградации российского общества. Она не описана чётко, но, тем не менее, читателю было бы трудно оспорить этот прогноз.

Сейчас прошло уже несколько лет с момента опубликования статьи в «Континенте», но всё ещё, к сожалению, не удаётся заметить видимых сдвигов в консолидации сознания российского общества в позитивном направлении. На поверхности процесса видно прямо противоположное движение. Оно дополнительно обозначилось энтузиазмом воинственного конфликта с Украиной, устроенного из-за нежелания украинского общества придерживаться извилистого курса России.

А для позитивной консолидации общества не нужны ни предвыборные статьи-лозунги, ни воинственность.

Требуется совсем иное – выработать, наконец, приемлемую концепцию модернизации. В ней нужно честно и убедительно назвать главные проблемы народа, сформулировать основные цели предстоящих преобразований и указать те имеющиеся у народа ресурсы, которые позволяют решить проблемы. Затем, не скрывая предстоящих трудностей и не обещая рая, концепция должна наметить чёткий и обозримый путь к поставленным целям, путь, который полностью соответствовал бы материальным, интеллектуальным и моральным ресурсам народа.

Первоначальный адрес такой концепции – наиболее образованная часть народа. Затем воспринятая этой частью концепция должна быть предложена всей той значительно более многочисленной части народа, которая общественно активна. Если она оказалась бы в общем понята и поддержана активной частью, то это создало бы консолидацию народа в целом.

Если двигаться в этом духе, то старое речение «осилит дорогу идущий» приобретёт, наконец, вполне оптимистический смысл.

Ещё добавление

По мере сил обсудив в этой главе много трудных российских проблем восприятия её недавней истории и её предстоящих решений и прежде, чем перейти к следующей главе о как будто более очевидных обстоятельствах, позволим себе обратиться к вдохновляющему примеру лидера страны, который умел в исключительно трудных условиях, не поступаясь принципами, находить приемлемые решения. Это, конечно, – сэр Уинстон Черчилль.

Он активно занимался политикой с начала прошлого века до самой смерти в 1965 году, неоднократно работал в правительстве Великобритании и, главное, был премьер-министром в самые тяжёлые для его страны шесть лет войны с 1939 по 1945 год. Хотя страна не обладала ни такими человеческими ресурсами, как СССР, ни такими человеческими и промышленными ресурсами, как США, именно он, не скрывая предстоящих жертв, сумел вдохновить свой народ на отпор врагу и создать ему в помощь громадную антигитлеровскую коалицию. Он был непримиримым противником как нацизма, так и большевизма, но первый выглядел для Британии опаснее второго, и ради победы над Гитлером он наладил взаимодействие со Сталиным, помог

ему не рухнуть под ударами Гитлера и побеждать его. Во многом благодаря этому Британия избежала в этой войне таких человеческих потерь, которые были бы катастрофическими для неё.

Было бы несправедливым не назвать Черчилля самым успешным руководителем тех лет.

Некоторая малая часть деятельности Черчилля имеет прямое отношение к одной из тем следующей главы, и, переходя к ней, обратимся к книге Мартина Гилберта – историка и официального биографа Черчилля («Черчилль и евреи» М., Мосты культуры; Иерусалим, Гешарим, 2007).

Из предисловия книги: «Один из членов британского парламента предупреждал Черчилля, что из-за его поддержки сионистских устремлений в Палестине тот окажется лицом к лицу с «передающейся по наследству неприязнью к еврейской расе, существующей во всём мире». Однако Черчилль всё равно не отступил. Хотя он никогда не являлся безоговорочным сторонником сионизма, он проявлял себя по отношению к нему как один из наиболее стойких союзников и защитников. Черчилль высоко ценил евреев, которые зачастую были объектом презрения, неприязни, недоверия и жестокости, и хотел, чтобы они заняли то место в мире, которое по справедливости принадлежит им. В то самое время, когда он публично осуждал акты террора против британцев в Палестине, которые совершали еврейские боевики, он доверительно заявил своему другу-еврею, смущённому столь жёсткой критикой Черчилля: «Еврейский народ хорошо знает, что я его друг». Это было действительно так.»

Из эпилога книги: «В 1946 году, когда еврейский терроризм в Палестине вызвал в британском парламенте сильные антиеврейские чувства, он заявил в палате общин: «Я против того, чтобы запрещать евреям делать то, что разрешается делать другим народам. Я против этого, и я крайне отрицательно отношусь к любым антисемитским предрассудкам.»

Глава 4

Отклики на сегодняшние события

Уважение и неприязнь

Введение

Видимо, читателю заметно, что в этом сочинении отдаётся предпочтение умеренным взглядам на род деятельности людей, их политические пристрастия, их отношение к религии и к другим народам. Вообще говоря, как ни наивно это звучит, прежде всех прочих обстоятельств важны законы, соответствующие состоянию нравственности данного общества, и чётко действующая система поддержания законности.

Но возникает тяжёлый вопрос: что делать с аутсайдером, будь то какое-то общество или государственное образование, существующим по совсем иным законам, часто агрессивным и бесчеловечным? И видится естественным ответ: чтобы не тянул в дикость остальных, – изолировать, а если явственно и мирно стремится преодолеть свою особость, в сущности, отставание, – насколько возможно, помогать. Однако на этом пути потребовалось бы отказаться от удовольствия делать подачки, называя их гуманитарной помощью, и поступиться иногда немалыми экономическими интересами, например, в области использования природных ресурсов; поэтому так поступают редко, только в крайних, особенно вспыхивающих случаях.

В течение долгих лет приходилось столько узнать о взаимной неприязни людей на религиозной и национальной почве, а нынешнее время далеко не покончило с этим, что явились потребность уяснить себе некоторые совсем не новые аспекты этого явления. А затем почему не представить результат читателю?

Пока человек действует в рамках мало-мальски справедливого закона страны, его принадлежность к расе или народу не важна. Напротив, отвратительно иное, как и любые уничижительные или иронические прозвища вроде черножопый, кацап, укроп, чурка, жид, москаль, американец, пидор, жидо-бандеровец, комуняка, социк, фашик, нацик и т.п.

Но может ли ироническая уничтожительность ругательства прикрыть его бессмысленность? Ведь, скажем, коммунист – не что иное, как сторонник коммунистического устройства общества, которого нигде не было и, надо думать, никогда не будет. Если он искренен, то он – попросту мечтатель, а то, что коммунизмом прикрываются и совершили иного покрова деятели, дела не меняет. Социализм, как видно по многочисленным примерам, кроме невысокой эффективности производства и пренебрежения к индивидуальности людей, ничего плохого не несёт с собой, для окружающих не опасен. За что же ругать социалиста? За то, что он не понимает, что зовёт в бедность и убожество? Фашизм означает единство, единение, фашист – сторонник общества по типу, скажем, муссолиниевской Италии. В таком обществе государственный социализм часто приправлен агрессивностью, и именно она опасна для внешнего мира. Слово фашист используется как ругательство, а в деле разоблачения надо бы выражаться точнее – клеймить агрессора, бандита, захватчика. И последнее в этом ряду: национал-социализм, короче нацизм, есть соединение, как у гитлеровцев, социализма с агрессивностью и расизмом, т.е. фашизма с расизмом; здесь добавляется ещё и злодейство. Так бы и клеймить: злодей, а не ласкать словом нацик.

К слову, в СССР нацистов называли фашистами не по небрежности: не хотели, чтобы упоминание социализма, имеющее для многих позитивный смысл и уже привычное, звучало не только в торжественном наименовании своей страны, но и в кличке врага, не хотели выделять родственность режимов.

По отношению к религии я могу называться, скорее всего, агностиком, т.е. вера и неверие находятся вне моего понимания, сам я не религиозен и к любой религии отношусь с почтением. Но с одним уточнением: пока религия полностью отделена от государства, занимается мировоззренческими проблемами, нравственной стороной жизни, учит терпимости и состраданию и не вторгается в быт, особенно в быт людей, не связанных с религией или религиозных иначе.

Я сомневаюсь в разумности демонстрировать свою религиозность особенностями одежды, пытаться приблизиться к Создателю, угодить соблюдением давным-давно введённых и когда-то вполне естественных ритуалов и т.п. Сомнительно также, что Создателю не безразлично, покрывают ли голову и чем именно, когда и чем питаться, когда именно работать и когда думать о высоком, в какой позе общаться с Создателем и т.п. Странно так принижать и Создателя, и людей: Создателя – подозрением, что Он мелочно вникает в жизнь каждого существа на земле, и слона и червя, а человека – тем, что он не сам кует свою судьбу, а не получив, выходит, от Создателя свободы воли, чуть ли не во всём зависит от Его помыслов. Ещё хуже, если группа такого рода фаталистов верит в то, что Создатель имеет только то имя, которое присвоено ему этой группой, а под другим именем Он, дескать, неприемлем, даже враждебен, и группа, верящая в это другое имя, подлежит искоренению.

Подобное не объединяет людей для решения общих высоких и трудных задач, а культивирует отгороженность от других и в ответ на смешливую подозрительность. И совсем нетерпимы террор или война под знаменем религии.

Не решусь здесь обсуждать связь расовой или религиозной нетерпимости с несовершенством социальных отношений, с завистью и часто ненавистью бедных к богатым. Замечу лишь, что социальное не-благополучие непроизвольно или под руководством властей часто трансформировалось в такого рода нетерпимость. Два эти явления хорошо связываются, одно усугубляет другое. К примеру, в XIX веке состоятельные люди резко отличали себя от прочих одеждой, и если эта одежда имела ещё и религиозную особенность, как у евреев, то переключение социального протesta на расовый или религиозный сильно облегчалось.

Неприязнь к евреям

В последних столетиях европейские народы и затем народ США внесли громадный вклад в развитие человечества. Однако, не сберишь со счетов европейское многостороннее изуверство 1930-40-х годов. В громадной степени оно было направлено на евреев. В послевоенное время и Европа, и США прошли большой путь к расовой терпимости, но, как известно, последние годы европейский антисемитизм снова возрождается.

То, что обобщённо называют антисемитизмом, имеет разные формы. Мне наиболее ясны три.

Религиозный антисемитизм, так сказать – антииудаизм, возник ещё до Новой эры и стал особенно заметен вскоре после того, как христианство отпочковалось от иудаизма. Он пышно процветал в Испании XV века, встречается и позже, но слабо.

Наиболее распространено этническое антиеврейство (расовый антисемитизм). В своё время оно было рекрутировано антииудаизмом, затем шествовало самостоятельно. Именно оно привело евреев к газовым камерам.

Новейшее изобретение – антисионизм. Он является не только стыдливой формой этнического антиеврейства, а и ответом большой политики на возникший в конце 19-го века сионизм – движение евреев к воссозданию своего национального очага.

Арабские руководители опасаются, что въезд большого количества евреев в Израиль увеличит его потребность в дополнительных территориях и его возможности получить эти территории и, стремясь воспрепятствовать этому, оказывают антисионистское влияние на западные страны. Последние, не желают потерять расположение арабов (в борьбе с Ираном, боевым исламизмом и т.п.) и, в особенности, боясь лишиться их нефти (страх вряд ли имеет основание, так как арабам эту нефть куда-то ведь продавать нужно), склонны примкнуть к антисионистскому движению. Эта, так сказать, рациональная основа антисионизма маскируется, однако, под критику угнетения Израилем палестинских арабов.

А левые интеллектуалы вдохновляются ещё и более сложным – традиционным европейским антиамериканизмом, который распространяется на Израиль – как, в их глазах, на пособника и двойника американцев. Тут любовь к палестинским арабам выступает альтернативой всему «плохому»: богатству, силе, меркантильности, бесцеремонности, бездуховности и т.п.

Удивительно, как этим интеллектуалам не вспоминаются их предшественники, среди которых были талантливые и во многом вполне достойные люди. Они презирали вульгарность буржуазной демократии, стыдились социального неравенства и в 1920-30-х годах видели альтернативу в динамичном социализме Муссолини, Гитлера и Сталина. Война оставила любовь единственно к Сталину, в котором они восторженно видели противовес Гитлеру, и затем верно продолжали его любить ещё 10-15 лет, вплоть до оккупации Чехии в 1968 году, – уже в пику капитализму. Потом их чуть передевшие последователи симпатизировали наследникам Сталина, сотрудничали с ними: те представляли себя борцами за всё хорошее, «за мир во всём мире» и противниками США, и эта пропагандистская каша импонировала. Все они зорко видели недостатки западного общества, а пользоваться благами его демократией так привыкли, что не ценили её.

И другая сторона дела. Антисионистов не смущает, что их трудами палестинские арабы получают настолько существенную помощь, что она лишает их стимула к собственной производительной деятельности и к совершенствованию общественной жизни. Но зато возникает потребность подтвердить свои беды и свою значимость воинственными наскоками на Израиль и получением от него сдачи, а она всегда провозглашается преступно-избыточной.

Многие другие народы, действительно бедствующие, но не задирающие евреев, не интересны противникам сионизма, хотя эти народы, в том числе многие не палестинские арабы, могут арабам палестинским сильно позавидовать.

Антисемит

В безгласной стране знаешь только то, что сам видишь или что видели твои хорошие знакомые и решились тебе доверительно рассказать.

Среди людей, не связанных с еврейством непосредственно, встречал и таких, которые антисемитизма даже за довольно длинную жизнь никогда не замечали. Обычные возгласы: «Ведь даже наш академик – еврей!», или «Какой же он антисемит? Ведь половина его приятелей евреи!», или «Он же утончённый романтик, настоящий интеллигент! Его сочинения – против грубости жизни, он мечтает о счастье!».

Давно замечено, что многие люди в силу своего воспитания или социального положения, слишком низкого или высокого для им полезной практической деятельности, не вписываются в реальность меняющегося мира, воспринимают его чуждым или даже враждебным, видят в наступлении изменений лишь их вопиющую несправедливость, низость. Поскольку социальные и культурные сдвиги на первых порах действительно являются в формах, нарочито демонстративных, даже футуристических или на привычный взгляд просто уродливых, ещё вовсе не притёртых к жизни, болезненное неприятие этих сдвигов вполне объяснимо – особенно со стороны людей, сильно переживающих всеобщие и ещё сильней личные несчастья. Среди таких людей, чаще образованных, встречаются романтики явные или как бы скрытые, неосознанные.

Евреи же, испытывая большие, чем окружающее их население, трудности в прежнем состоянии общества, склонны надеяться на благоприятность перемен, подпадать под очарование будущего, борясь за него.

Немецкий поэт Генрих Гейне, этнический, но не религиозный еврей, отсчитывая время от библейского бегства евреев от рабского существования в Египте, высказал афоризм: «Со времён Исхода свобода говорит с еврейским акцентом».

Евреи не только стремятся к переменам, но и легче других приспособливаются к ним, соглашаются их поддерживать и не редко делают это с энтузиазмом. Благодаря этой активности они очень заметны на поверхности происходящего. Поэтому традиционалисты и романтики (среди них встречаются и евреи) часто видят в евреях главную причину наступающих безобразий, действительных или мнимых, объясняют свои несчастья именно деятельностью евреев.

Думается, Гитлер был обуреваем не только той же ненавистью к евреям, которой он практически воспользовался для мобилизации враждебного евреям общества, но и собственной романтической страстью к уничтожению в их лице мистического мирового зла.

Называется много причин низового антисемитизма, а на близких примерах, не считая упомянутой романтики, видно немало другого: обычай быть антисемитом, легко достижимое наслаждение считать себя заведомо выше кого-то другого, зависть лентяя и неудачника, склонность к садизму.

Так, кто это, антисемит? Вспомним с этой специфической точки зрения четырёх замечательных писателей.

А.С. Пушкин, написавший в несколько пародийном стихотворении «Чёрная шаль» строчку «ко мне постучался презренный еврей», – во-все не антисемит. Во-первых, это – рассказ вымыщенного романтического персонажа, который «легковерен и молод», во-вторых, Пушкин никак не отождествим с его разнообразными персонажами, он беспристрастно снисходителен к ним, и, в-третьих, такого рода выражение в то время вовсе не резало слух злобностью, было нейтральным в образованном обществе.

Далее, Ф.М. Достоевский, для которого выражения вроде «жидки» или «полячишки» обычны. Он, всегда безденежный в некотором роде романтик, видел идеал в старце Зосиме и ненавидел неотвратимо наступающее новое время с его буржуазной меркантильностью, в которой винит иноверцев. Однако всё это было в пределах дворянской нормы того времени и могло вызывать неодобрение только у наиболее объективных людей. Это было и в то время не очень красиво, но, по-лагаю, слово антисемит ещё отсутствовало.

Кстати, и евреи, и поляки оказались в российском подданстве вовсе не по своей воле, а в результате присоединения части Польши в XVIII веке. Любопытно, что те евреи, которые не были богаты, имели право проживать только за так называемой чертой оседлости, т.е. приблизительно западнее Днепра, так что население основной России с евреями, как правило, и не сталкивалось. Откуда же в России антисемитизм?

В то же самое время Н.С. Лесков, который считается традиционалистом, со знанием дела, на удивление объективно проанализировал деятельность и состояние евреев в России, а также продумал необходимые изменения. В 1884 году для вразумления руководства страны он опубликовал свои мысли в виде большого трактата «Еврей в России». Замечу: «почвенный», как принято думать, писатель написал это сочинение образцово прозрачно по мысли и по стилю.

И, наконец, совсем другое дело – А.И. Солженицын. Через 100 лет после Лескова на склоне лет он тоже написал сочинение о евреях, но более объёмное, в двух томах. Его заслуги в освещении важнейших болезненных проблем России общеизвестны, но что его побудило заняться этим вопросом, вовсе не центральным для России? В предисловии к своему сочинению он ни слова не пишет о мотивах, подвигнувших его на этот труд, а по его прежним высказываниям естественно предположить, что он имел болезненный интерес к теме еврейства и невысказанный мотив – неспокойную совесть. Он, видимо, старался написать объективно, но не смог скрыть своей очевидной предвзятости. А она в его и наше время есть не что иное, как антисемитизм.

Из личного опыта

В данном тексте ограничусь лишь впечатлениями, связанными с детством. Так, находясь в эвакуации зимой 1942-43 годов в Шушакове Алтайского края, я узнал, что я еврей и как плохо быть чужаком и евреем (или, говоря на местном языке, – «выковыренным» жидом) среди местных и не евреев.

Как ни покажется странным, антиеврейство выплеснулось в СССР наружу как раз во время войны с нацистской Германией.

Слово антиеврейство применено здесь потому, что, как уже сказано, эта чисто этническая ненависть в обеих странах не была связана с верованиями (не будем говорить здесь о церковных иерархиях, там дело обстояло несколько иначе).

Многие уже отмечали, что Сталин хорошо запомнил свою приниженность рядом с евреями, бывшими его партийными коллегами, и мстил за это. Но в антиеврействе 1942 года, видимо, было и нечто рациональное: его сочли полезным для военных дел, во-первых, чтобы в угоду всегда тлевшему в стране бытовому антиеврейству отмежеваться от борьбы с гитлеровским антиеврейством и, во-вторых, чтобы это низовое настроение в угоду многим дополнить государственной поддержкой. Вплоть до своей смерти Сталин использовал своё личное антиеврейство в стремлении укрепить свой авторитет в народе (и преуспел в этом).

Приведу ясное документальное доказательство из сферы, приближенной к власти. Михаил Ромм стал ею признан и широко известен своими полными советского энтузиазма фильмами о Ленине (в октябре и в 1918 году). Затем после раздела Польши 1939 года он создал очень талантливый, но сильно актуализированный под то время фильм «Мечта» с Раневской и Астанговым, действие которого происходит во Львове

накануне и после начала мировой войны, затем в 1964 году создал замечательный дышащий тем временем фильм «Девять дней одного года» и поставил восхитительный знак в своём творчестве документальным фильмом «Обыкновенный фашизм». Так вот, Ромм в самом начале 1943 года осмелился написать Сталину осторожное, но все равно безответное письмо, в котором было: «За последние месяцы в кинематографии произошло 15-20 перемещений и снятий крупных работников... А так как все снятые работники оказались евреями, а заменившие их – неевреями, то кое-кто... стал объяснять эти перемещения антиеврейскими тенденциями в руководстве».

В моем случае это выражалось во враждебном отношении шушаковских одноклассников, что на нынешнем языке обозначается словом моббинг. Приятельствовал со мной только один Родька. Это был высокий красивый парень, который жил при своей где-то работавшей матери в новом маленьком удивительно чистом снаружи и внутри бревенчатом доме, странно стоявшем на совершенно пустом месте безо всякого огорода и ничем не огороженном. Но и он не пытался защищать меня, а остальные испытывали по меньшей мере неприязнь. Хорошо помню, как после занятий по выходе из школы меня обступили гурьбой и потребовали, чтобы я повторил стишок: «На горе Аарат растёт крупный виноград». Им казалось, что еврей не может произнести это чисто, но в данном случае они совершенно ошиблись. Тогда они стали просто кричать что-то оскорбительное. Я не любил громких криков и попытался заткнуть уши, они, поняв, что мне не нравится их крик, повисли на руках и стали прямо в уши кричать изо всех сил. Я был в ужасе. Прекратилось это, только когда им надоело.

К чести учительницы моего класса, она пыталась воспротивиться моббингу, но успеха не имела. Мой отец однажды пришёл по этому поводу к директору школы, но и тот сообщил о своём бессилии.

Уже будучи взрослым, я долгое время приписывал встречу с антисемитизмом в Шушаково мстительности попавших туда ссыльных семей, винивших в своих несчастьях советских, партийных и НКВД-эшных деятелей-евреев, а также своей чужести там и зависти ко мне, имевшем в отличие от большинства из них отца. Может быть, дело было и в том, что отец давал мне иногда для письма в школе куски старых чертежей («синек»), тогда как все, как и я в основном, писали между строк старых газет?

Любопытно, что подобные детские впечатления через 30 лет, в начале 1970-х годов, получила моя дочь Маша, находясь летом в пионерском лагере «Полянка» (лагерь под Истрой того института, где мы с женой работали). Жена Людмила и я вступили в разговор о моббинге с начальником этого лагеря по фамилии Бронштейн, и он признался в бессилии и был уверен, что любые попытки препятствовать моббингу сделают ещё хуже. Пришлось немедленно увезти Машу в Москву.

Плохи ли евреи?

Антисемитизм имел и имеет место во всех странах, но с тех пор, как реформы Наполеона формально уравняли права евреев с правами прочих европейцев, только в Европе 1930-40-х годов, а также в царской России и с 1940-х годов в СССР к низовому антисемитизму добавился ещё и государственный антисемитизм. Оба эти вида антисемитизма явились как бы ответом на то, что евреи отзовались на эмансиацию необыкновенно успешным обращением к европейской культуре, науке, промышленности, коммерции, к европейскому искусству. Эти успехи народа, давно обладавшего почти стопроцентной грамотностью, не удивительны. Ведь евреи – «народ книги», в условиях рассения привыкший вдобавок широко общаться с другими народами и с евреями других стран в области ремёсел, торговли и кредита.

Нет сомнения, среди любого народа, если он не выпадает вообще из общего круга, имеется всё: и высокое и низкое. Однако, в разной пропорции. О значимости, присущей общности людей, судят, понятно, не по худшим проявлениям, не по неудачам и даже не по среднему уровню, а по высшим достижениям.

Вот аналогия. Приходилось слышать ворчливую критику относительно поэта: ведь у него, мол, масса слабых вещей! Да, вряд ли можно назвать великого поэта без слабых, проходных стихотворений, вещей «на случай», в этом он не отличается от малого поэта, тут все равны. А отличается он своими замечательными созданиями, и именно благодаря им «вознёсся выше он главою непокорной».

У маленького народа евреев XIX и особенно XX веков высший уровень исключительно широк. Не стоит вдаваться в статистику, а вспомним лишь несколько имён, которые первыми приходят в голову:

- банкир Майер Ротшильд (1744 -1812) и его сыновья,
- экономист и теоретик пролетарской революции Карл Маркс (1818 -1883),
- нефтяной предприниматель Джон Рокфеллер (1839 -1937),
- психолог и основатель психоанализа Зигмунд Фрейд (1856-1939),
- композитор, автор девяти новаторских симфоний Густав Малер (1860-1911),
- физик и создатель теории относительности Альберт Эйнштейн (1879-1955),
- левый политик, создатель революционной армии и троцкизма Лев Троцкий (1879-1940),
- писатель Франц Кафка (1883-1924),
- математик и основатель кибернетики Норберт Винер (1895-1964),
- один из двух создателей системы Google Сергей Брин (1973).

Одни восхищаются этими людьми, другие их порицают и даже ненавидят, но вряд ли кто-то сомневается в их очень значительном долговременном влиянии на жизнь общества. Кстати, все эти личности, насколько мне известно, воспитаны в семьях, ушедших от иудаизма или вообще не связанных с ним.

Как раз упомянутое только что влияние служило и завистливой неприязни. Где-то читал, что, создав в Лейпциге филармонию, композитор Мендельсон-Бартольди, христианин во втором поколении, услышал от некого немецкого музыканта нечто вроде: и вечно вы, евреи, лезете куда вас не просят; если бы не Вы, мы сами лет через 20 сделали бы это, но филармония была бы немецкой!

Конечно, если знакомиться с еврейством по гангстерским приключениям, увлекательно представленным в кинокартине «Когда-то в Америке», то получится довольно отвратительное впечатление, но применительно к еврейству в целом – оно ложно. И отметим снова: в сложной общности важны не худшие экземпляры, а лучшие.

Перейду от общих рассуждений к собственному опыту и приведу в качестве примера круг моих родственников и хорошо мне знакомых евреев из моего и из предшествующего поколений:

- отец – инженер-электрик,
- дядья – один работал в ПУРе, другой – медик, один погиб солдатом на финской войне, ещё один – инженер-капитан ВМФ, ещё – инженер-теплоэнергетик,
- тёти – зубной врач, инженер по автоматике электростанции блокадного Ленинграда, главный врач передвижного госпиталя во время войны (её дочь – сестра в этом госпитале),
- брат – театральный и литературный критик,
- двоюродные братья – композитор, преподаватель сопромата, организатор восстановления старых советских фильмов, редактор методических материалов по электроэнергетике,
- двоюродная сестра – работа по художественному воспитанию детей,
- друзья детства – химик, разработчик аппаратуры передачи данных,
- друзья моего брата – два театральных критика, прошедший войну драматург.

Ни одного из них не причислишь к ангелам. Но все они, не рассчитывая на какие-то жизненные преференции, зато много учились и трудились. Они жили на зарплату или на нерегулярные гонорары за свои творческие работы. Ни один из них не занимался коммерцией, и только один достиг небольшого материального благополучия. Все, кроме одного – поклонника православия, не религиозны, большинство – не члены правящей партии, а если кто-то и член, то рядовой или же участник каких-то выборных партийных органов низшего уровня.

Разве упомянутые выше занятия и судьбы могут при непредвзятом отношении хоть как-то подтолкнуть к расовой и тем более к религиозной ненависти к евреям? Роль антисемитизма в жизни перечисленных выше близких мне людей я, конечно, не обсуждал с каждым из них, но уверен, что эта роль не маленькая..

Противодействие

К счастью, в современном мире антисемитизму есть противодействие. Например, 14.09.2014 я присутствовал на митинге против антисемитизма, созванном общегерманской еврейской организацией. Он проведен не где-нибудь, а в Берлине на очень значимом месте – у Бранденбургских ворот и не как-нибудь, а на высшем государственном уровне. Участвовали президент страны, канцлер, министры, бургомистр Берлина, руководители партий и конфессий. Главный призыв митинга: „Steh auf! Nie wieder Judenhass!“, т.е. буквально: «Вставай! Ненависть к евреям – никогда снова!». Преобладали флаги Израиля, видны были флаги Германии и Украины.

Торжественность митинга ясно показала, что вопрос, что называет-ся, уже назрел, опасно назрел.

Однако любопытно: в еврейской общине Берлина состоят около 11000 членов, а митинг собрал приблизительно 6000 человек, в их числе, конечно, многих немцев и приехавших из других городов. Как видно, зря говорят, что евреи энергичны и практичны; оказывается, как и в 1930-е годы, они боязливо-беспечны. Применительно к берлинским евреям это понятно, если вспомнить, что большая их часть – недавние выходцы из СССР; они хорошо понимают, как жестко личная жизнь встроена в общество, но не имеют никаких навыков влияния на общественную жизнь.

От Крыма к мировому кризису

Для Российской империи, затем для СССР и теперь для современной России очень многое связано с Крымом, в его истории отразились и удачи страны, и её трагедии. Сегодня крымский кризис расширился в российско-украинский, и уже погибли тысячи людей. Если кризис не свернётся, а будет брутально разворачиваться, неизбежны плохие перспективы для обеих стран. Плюс к этому у многих возникает опасение, как бы в недалёком будущем происходящее не отозвалось катастрофически для всего большого мира.

Это побуждает разобраться в потоке информации о кризисе, выделить из него то, что кажется наиболее существенным, отбросить изобильную пропагандистскую и дипломатическую шелуху (об этом – ближе к концу данного текста) и попытаться свести самое существенное в какую-то систему. Тут важно не преувеличить собственную ин-

формированность и прозорливость, не впасть в соблазн пророчеств и не поддаться неизбежным, впрочем, эмоциям. Постараемся...

В момент составления этого текста кризис приостановился на шатком перемирии, временами оно серьёзно нарушается, люди продолжают гибнуть с обеих сторон.

А начать приходится с исторической справки.

Драмы Крыма

Крым завоёван Россией у Османской империи (теперь – Турции) во второй половине XVIII века. К тому времени эта империя давно прошла свой расцвет, ещё более отставала от Европы, чем империя Российской. Россия же при Екатерине Великой переживала крутой взлёт, находилась на пике своего успеха, в ближайших одном-двух поколениях породила сокрушивших Наполеона орлов, решительных государственных, военных и общественных деятелей и замечательных литераторов.

Основным населением Крыма являлись татары (крымские татары) – одна из ветвей распавшейся Золотой Орды, позже управляемые Османской империей. Конечно, в Крыму было немало жителей и других причерноморских и средиземноморских народностей: турки, казаки, греки, караимы, евреи, итальянцы и т.д.

По поводу этого смешения этносов О.Мандельштам не без восхищения воскликнул: «О средиземный радостный зверинец!» (стихотворение «Феодосия», 1920г.).

В середине XIX века Россия довольно успешно воевала с Турцией (Нахимов и победа его флотилии под Синопом), но её стремление на Балканы и, главное, к проливам на простор Средиземного моря оказалось безуспешным. Так, в военном отношении гораздо более оснащённая коалиция Англии, Франции и Турции высадила большую армию в Крыму и осадила главную морскую крепость Севастополь. В результате кровопролитных боев Севастополь сдался, после чего Россия отказалась от претензий, приведших к войне (это произошло в 1855 году, и этого отказа хватило лишь на 22 года, но следующая война 1877 года не коснулась Крыма). Это поражение счастливо толкнуло Россию на ряд важнейших реформ: ликвидация крепостной зависимости крестьян, реорганизация судебной системы и др.

Во второй половине XIX века Крым стал местом летнего пребывания для многих из России: от просто достаточно обеспеченных людей

до императорской семьи. Приблизительно такую же симпатичную роль он играл и в XX веке.

В начале XX века Крым был последним оплотом белого движения; армия Врангеля, базировавшаяся в Крыму, была разбита, её значительная часть вместе со многими штатскими (писатель Бунин) была вывезена морем, а оставшиеся в Крыму на обещанную милость победителя были в большинстве уничтожены.

В 1941-42 годах Красная армия долго обороняла Севастополь от гитлеровских войск и их союзников, но его, как и Крым, пришлось сдать.

В 1942 году была предпринята неумелая попытка вернуть Крым с помощью десанта в район Керчи и Феодосии; десант был уничтожен.

Крым был освобождён весной 1944 году в результате общего наступления армии на Юге Украины. Восстановление Советской власти сопровождалось в Крыму почти поголовным жестоким выселением из него так называемых нацменов за сотрудничество с оккупантами: татар, греков и др.

Кстати, логика этих действий Сталина, как и подобных действий на Кавказе, неясна: такого рода сотрудничество было широко распространено и в других оккупированных районах, однако там за коллаборационизм наказывали только непосредственно виновных, а не всех жителей оптом. Не от того лишь только, что этих всех было там слишком много?

Традиционное для Крыма население почти исчезло, особенно опустели сельские районы на плоскогорье, и он был добровольно-принудительно заселён, в основном, крестьянами из центральной части страны. В 1954 году один из них жаловался мне на неприспособленность к местным природным условиям безводья: то, что он привык сажать, не растёт, а другому не обучен. В том же году правительство СССР передало Крым из Российской республики в Украинскую: для ускорения его хозяйственного возрождения (вероятно, этим угодили и личным склонностям). Одна из главных целей этого администрирования – подача в маловодный Крым днепровской воды. Никакого политического значения этой передаче не придавалось, она не была существенна и на бытовом уровне. Тогда невозможно было вообразить, что через 40 лет страна разделится на ряд государств и принадлежность Крыма станет значимой, а ещё через 20 лет кому-то окажется невтерпёж эту принадлежность менять силой.

В связи с упомянутым разделением СССР допустим небольшое отступление. Кому-то это разделение кажется самой большой катастрофой XX века, кто-то обвиняет в «предательстве» М.С. Горбачёва или Б.С. Ельцина, но не приходилось видеть, чтобы было обращено внимание на, представляется, важнейший толчок к этому разделению. Главной, как теперь выражаются, «скрепой» СССР была правящая партия (а не бутафорские государственные учреждения вроде Верховного совета и даже не КГБ и пр.), и СССР рухнул вслед за ней. А ей был нанесён в 1990 году непоправимый удар не только отменой статьи конституции о её непререкаемо руководящей роли, но и образованием коммунистической партии России во главе с упорным борцом за её гла-венство И.К. Полозковым. А отцы-основатели не зря такой партии не заводили, они считали, что Россия тождественна стране в целом и никакая её собственная партия недопустима, иначе Россия станет в ряд с остальными составляющими СССР, и её объединительная роль потеряет значимость. Хотя образование своей партии возвысило Россию в глазах её партийцев, на самом деле – принизило до уровня остальных республик, этих остальных действительно возвысило и всех вместе толкнуло к самостийности. Жёсткой системе новации противопоказаны, а российские партийцы, не понимая этого, легкомысленно толкнули свою партию и за ней страну к разделению. К счастью, при этом до сих пор хватало ума обходиться без большой крови.

С 1980-х годов татарам было разрешено вернуться в Крым, они постепенно возвращались и обустраивались – не без трудностей и даже столкновений. Они составляли в Крыму приблизительно 15% населения, около 70% составляли относящие себя к этническим русским, остальные же относят себя к украинцам и, как и прежде, – к прочим.

Крым находился в составе Украины на правах автономной территории и имел два официальных языка: украинский и русский.

Во многих отношениях дотационный Крым обеспечивал себя сам, но минимум 80% электроэнергии и пресной воды Крым получал от остальной Украины.

В условиях, когда для россиян возможен курортный отдых на Средиземном море и т.п., отдых в Крыму недостаточно комфортен и, вдобавок, дорог, что не удивительно: курортный сезон слишком короток.

Подход к кризису

Крымский кризис разыгрался в связи с событиями в Украине. Там, и прежде всего в Киеве, происходило, как можно понять, что-то вроде демократической революции. Люди были возмущены коррумпированным, насквозь воровским чиновническим авторитаризмом и выступили за человеческие ценности европейского образца. Поводом для революции послужили беспричинные шатания президента Украины вокруг её начальных шагов в сторону Европейского Союза и вокруг

противника этих шагов – президента России. В связи с этими шатаниями, к демократическим стремлениям отчётливо добавилось национально-освободительное движение, и это сделало украинское общество особенно решительным.

Революцию совершило множество людей разных взглядов, собравшихся на центральной площади (майдан) Киева; они защищались от полиции баррикадами и поразительно самоорганизовались. Жертвенная решительность этих людей видна по следующему стихотворению Ольги Кашпор (февраль 2014):

Мальчиков укрывают флагом	Твой такой же, как они, – на передовой.
С головой.	Разбирает мостовую по кускам.
Не вой, дура, говорю. Твой – живой.	Живой.
Живой.	Мальчиков выносят строем.
Он такой же, как они, – тоже рвётся в бой.	Траурный конвой.
Долго трубку не берёт. Но не вой.	Не считай. Зажмурься. Помни,
Не вой.	Бог с тобой.
Мальчиков кладут рядком.	Он придёт. Под утро. Мятый и седой.
Пряム на мостовой.	Ты отпустишь снова. Просто жди.
Лиц не видно. Не смотри. И не вой.	Не вой.
Не вой.	

И ещё одна иллюстрация. Владимир Парасюк (26 лет, окончил университет во Львове, выбран на Майдане руководить одной из двадцати «сотен») в минутной речи предъявил с трибуны Майдана знаменитый ультиматум как президенту Украины, так и её оппозиционным политикам. Чуть ли не эта речь вызвала отстранение президента парламентом и его трусливое бегство из страны. В интервью, взятом у него К.Копаневой, он так высказался о целях революции: «...мы выиграли бой, а не войну... ведь мы стояли не только за отставку правительства. Мы хотим жить не так, как раньше. Мы хотим справедливых судов, власть, которая будет думать не о себе, а о людях.»

Движение украинского общества в сторону Европы противоречит понятному желанию руководства России сохранить Украину в прежнем виде: подобной России и зависимой от неё в составе экономического и, вероятно, также политического Евразийского Союза. Отсюда – противодействие руководства России европейскому курсу Украины. Бегство её президента произошло после многократных консультаций с президентом России и вымаливания у него послаблений, чтобы заткнуть ту дыру в финансах Украины, которую сами же эти президенты и создали. В связи с этим революцию усиливает стремление к национальному освобождению от следования за Россией по её пути, имеющему с общественной и экономической точек зрения сомнительные перспективы (понижение спроса в Европе на российские природные ресурсы и цен на них, а также нерациональность того производства, которое не связано с добычей этих ресурсов).

Цели России

Все понимают, что важнейшую роль в кризисе играют руководители России. Можно предположить три их цели. Представим эти цели в порядке убывания их вероятной значимости для российской стороны.

О первой и самой важной цели говорит отказ России признать созданные полноценными выборами новый парламент и правительство Украины и вести с ним содержательные переговоры. В основе этого – стремление восстановить правление бывшего президента Украины или, поскольку прежняя президентская команда полностью скомпрометировала себя, – поставить подобную ему зависимую фигуру. Попытка сохранить это правление убила в Киеве более ста человек, много людей ранено.

При разумной деятельности нового правительства Украины и минимальной финансовой и организационной помощи ему со стороны Запада этот план представляется совершенно невыполнимым.

Следующая, более скромная, но и более вещественная цель – отторжение от Украины её восточных или даже всех юго-восточных территорий, примыкающих к морю. За это предположение говорит то, помимо присоединения Крыма, Россия организовала и подкрепила своей военной техникой и даже своими военнослужащими сепаратистское движение в двух восточных областях Украины, где проживает довольно много этнических русских. Эта цель многим энтузиастам в России представляется благородной и достижимой, её осуществления хочет и часть жителей восточной Украины, предполагая, что Россия подарит им жизнь, более богатую, чем Украина и даже чем жизнь во многих депрессивных областях самой России.

В сущности, именно такого рода «освободительные» действия осуществили в 1930-х годах Гитлер и Сталин. Первый по отношению к немецкоязычным в Австрии, Чехословакии, Польше, второй по отношению к «братьям-украинцам», «братьям-белорусам» и молдаванам в восточных областях Польши и в Молдавии.

Однако, в отличие от интервенции в Крым, произведённой во время пересменки власти в Киеве, вторжение в материковую Украину встречает уже несколько подготовленное и с течением времени усилившееся противодействие украинских войск, которое не может быть сломлено без значительных потерь. Понимая это, российская сторона не решается на углубление вторжения в Украину, но небольшая часть уже упомянутых двух областей остаётся в российско-сепаратистских

руках и, вероятно, останется ещё некоторое время. А тем временем позиционная война или борьба продолжается.

Поскольку обе предыдущие цели слишком трудны и в полном объёме вообще не достижимы, остаётся довольствоваться достижением третьей и самой скромной цели – отторжением от Украины Крыма.

Техника присоединения Крыма скопирована с присоединения к СССР в 1940 году трёх прибалтийских государств. В обоих случаях сначала использованы войска, и затем устрашённый и вдохновлённый парламент вотирует присоединение.

Но внешняя обстановка этих действий совершенно различна.

Присоединение прибалтийских государств было подготовлено соглашением с Гитлером, заключённым непосредственно перед началом второй мировой войны. Оно было выполнено очень осторожно в точно выбранный момент, когда Франция уже была повержена Гитлером, Великобритания в одиночестве оборонялась от него, СССР помогал ему, а США ещё не вступили в войну, были далековаты от европейских дел. Никто тогда ни внутри страны, ни вне её не мог возразить Сталину, и операция прошла успешно. А присоединение Крыма и внедрение на Восток Украины происходит в совсем других условиях: внутренняя оппозиция всё ещё существует, вне страны нет вообще никакой значимой поддержки, а Запад, хотя и медлителен, но связан в своих действиях лишь некоторыми своими довольно обычными заботами и наличием у России ядерного оружия. Но последнее немаловажно.

Одновременно с достижением третьей цели (аннексия Крыма) делаются попытки дальше продвинуться ко второй. Для этого организуют пророссийские силы в восточных областях Украины и давят на неё концентрацией на границе ударных войск. Конечно, эти действия способствуют дестабилизации Украины и тем самым затрудняют реформы в ней, что, видимо, рассматривается как средство приближения к первой и главной цели. Не исключено, впрочем, что достижением третьей цели, самой скромной, придётся ограничиться, радуясь этому так, как будто двух более важных целей и не было.

Противодействие Запада

Указанные российские усилия приводят к национальной консолидации украинского общества и параллельно этому к осторожному, но и решительному вводу всевозможных санкций против ряда российских руководящих лиц, а также против экономики России в целом. Вероятно, лидеры западных стран будут принуждены своей общественностью к противодействию России во многих областях, чувствительных как для руководства России, так и, к сожалению, для её населения. Этот процесс неприятен и для Запада: он даёт потери европейским странам, но мало заметные для экономик стран в целом.

Правительству Германии пришлось разъяснить некоторым заинтересованным в российском рынке промышленникам, что интересы страны выше их частных, и они поняли. Экономическое противодействие осуществляется медленно и в не очень явной форме, например, в виде постепенной «диверсификации» газоснабжения Европы.

Опыт показывает, что западные лидеры без особой нужды избегают реагировать избыточно и быстро, для необходимого ответа склонны накапливать ресурсы до тех пор, пока они не превысят необходимый уровень с громадным запасом. А в данном случае зачем им спешить? Ведь с точки зрения их узко эгоистических интересов сама по себе российско-украинская история периферийна. Действительно, Украина – не член НАТО и даже не член Евросоюза, если же Россия хочет ломать зубы об Украину, они, возможно, не так и против: пусть себе ломает, тем слабее и говорчивей станет.

В целом, конфронтация с Россией рассматривается на Западе как дело, очень нежелательное, но, пока украинский кризис не затухнет, трудно себе представить, что экономическое и моральное давление на Россию не будет продолжаться и что для спокойствия соседей России у них не будет наращиваться количество и качество войск НАТО.

Как видно, завершение кризиса зависит прежде всего от способности России трезво оценить обстановку и вовремя остановиться, а также от того, что с точки зрения Украины и Запада поставлено на карту. Далее попытаемся рассмотреть оба вопроса.

Лидер России

Поскольку уже упомянуто, что роль России в кризисе является определяющей, а ею управляют, как видно, непререкаемо, важно попытаться понять, что думают те или тот, кто управляет.

Самое простое – под лидером России подразумевать только президента, но это не совсем верно. Скорее, вокруг него имеется какая-то неформальная группа людей, через которых он оказывает решающее влияние на службы безопасности, армию, пропаганду, финансы и производство. Эти люди от него жизненно зависят, но и ему в какой-то мере приходится считаться не только со своими, но и с их личными интересами. Кто именно входит в ближний круг не так уж важно, поскольку состав этого круга, надо думать, изменчив и, с кем именно лидер временами советуется по тому или иному вопросу, не известно. Поэтому мы не попытаемся обсуждать этот лидерский круг, а сосредоточимся только на очевидном главе этого круга.

Хорошо известно, что его поведение, его речь легко приспосабливаются к обстоятельствам, он может хорошо играть разнообразные роли, и это многих ввело в заблуждение. Однако, как и любой другой, он не может перевоплотиться внутренне, и

тут решающую роль играет то, как он воспитан, что он пережил раньше. Поэтому стоит напомнить некоторые, вероятно, достоверные сведения о его жизни, которые кажутся наиболее существенными.

На его хорошее здоровье и природный практический ум наложилась школа жизни: дворовое общение, занятия контактными видами спорта, обучение в университете по-нятиям о «партийности» науки и о «социалистической законности», по собственному желанию обучение и служба в КГБ, занятие товарообменом в мэрии Петербурга, срочная возгонка до поста президента страны и уже четвёртый срок подряд выполнение роли лидера страны. В первые три срока он довольно беззаботно, не лишая себя мужских удовольствий, добился вполне авторитарного правления, не ограниченного никакими вмешательствами со стороны общества или семьи. (В этом отношении за три последних века его аналогами в России являлись только Пётр, Павел и Сталин.) Всё это вселило в него способность лишь внешнее приоравливать своё поведение к людям, веру в свою удачливость, склонность рассматривать препятствие на пути как досадную нелепость и, если всё-таки результата приходится добиваться, привычно манипулировать людьми и их группами, что способен хорошо продумать.

Может быть, проще не вчитываться в приведённые выше отрывочные приземлённые сведения, а обратиться к поэтическому персонажу, «хоть с небольшой, / но ухватистой силой», из стихотворения «Чёрный человек». Оно отчаянно искренне написано С. Есениным 90 лет назад в последний год его жизни. Правда, в случае лидера оказываются лишними три есенинских темы этого персонажа: поэтический дар, алкоголизм и женщина «сорока с лишним лет».

Не случайно полагают, что он как лидер страны, обладающей большим арсеналом ядерного оружия и являющейся, по его ещё недавним словам, «энергетической сверхдержавой», склонен считать себя ключевой фигурой мира и обижен недостаточно торжественной ролью, которую ему и заодно России отводит Запад. В противовес этому он ищет поддержки где-то ещё, особенно в Китае, а тем временем увлечённо демонстрирует свою решительность на пути нового сокирания земель вокруг России.

Похоже, он не избег влияния собственной пропаганды, а она преувеличивает значимость его украинских целей, преувеличивает экономические возможности России и, особенно, её перспективы в торговле природными ресурсами, преувеличивает и военные возможности. Но зато она глумливо и резко преуменьшает возможное упорство Украины и возможности ответа со стороны Запада.

Проблемы обострились только в последние годы его правления. Вот они: а) публичное неодобрение интеллектуальной частью общества переходом к четвёртому сроку правления, выполненным не без цинизма, б) понижение в мире цены на нефть и следом на газ, в) в Европе снижение потребности в нефти и газе из России, г) экономические санкции, введённые в ответ на его же действия в Крыму и на Востоке Украины. То, что в его распоряжении имеется ядерное оружие, является, и все это понимают, действительно серьёзнейшим обстоятельством, и он стал это демонстрировать, а относительно энергетики дело обстоит иначе: жизнь показывает, как опасно забывать, что в свободном рынке главным является покупатель, а не продавец.

Видимо, всяческую критику и экономические санкции лидерский круг принимает за неразумные и оскорбительные выходки слабаков, всё равно не способных на решительное противодействие. Отсюда можно предположить решимость лидера идти в своих стремлениях настолько далеко, насколько этому будет сопутствовать то, что в его понимании является успехом. Но, хочется надеяться, если перед ним возникнет стена, он вряд ли полезет на неё слишком уж рискованно.

В связи с последней фразой возникает главный вопрос: что с точки зрения лидера является стеной и разглядит ли он вовремя эту стену. Тут надо заметить, что для него лично и для его круга стена в виде экономических лишений и в виде военной катастрофы находится совсем не там, где для прочего населения страны. Можно представить себе такое: в то время как он и его круг едва различают угрозу где-то вдалеке, как бы только в телескоп, и не верят в её реальность, население ощущает то же самое уже не как угрозу, а как реальную беду. Столь различное восприятие особенно вероятно применительно к экономическому положению: сверху угроза может выглядеть отдалённой, её можно и вообще не разглядеть, дело-то тонкое, не всякому понятное, а внизу уже не достать то денег, то жилья, то пищи.

Итак, вопрос: где та стена, перед которой лидер страны остановится? На этот вопрос нет ответа. Будем лишь надеяться, что, совсем очевидную опасность он всё-таки разглядит.

Выход из кризиса с добычей только в виде Крыма, сомнительной сегодня и способной быть потерянной завтра или послезавтра, выход без достижения других поставленных целей грозит, в глазах многих, потерей лидером ореола непогрешимости, удачливости. Это обостряет дилемму: или отчаянно ломиться на стену, или смириться и отыграть назад. Последнее осложнено необходимостью переориентировать свой ближний круг: взамен прежних интересов и выгод, связанных с Украиной, придумать для него какие-то новые. Что же касается потери популярности «в народе», то как раз эта опасность легко нейтрализуется агитпропом в пользу защиты мира во всём мире и отражения угрозы ядерной войны, к которой, де, стремятся империалисты. Хороший тому пример – выход из кризиса с ракетами на Кубе в 1962 году.

О поступках по закону или по понятиям

Хотя в начале обсуждения данного кризиса предполагалось отбросить «пропагандистскую шелуху», в ней есть любопытные стороны.

Что лучше, жить по закону или по понятиям? Закон или революционная (потом социалистическая) законность? Демократия или суверенная демократия? Нормы мирного общежития на земле или захват

того, что плохо лежит? В конечном итоге, если не вмешиваются извне, каждый народ сам делает выбор. Для себя!

В связи с этой темой любопытно вспомнить франко-итальянскую кинокомедию «Закон есть закон», созданную Кристиан-Жаком на излёте неореализма. В ней некий бедняк, которого играет замечательный комик Тото, зарабатывает на жизнь мелкой контрабандой через франко-итальянскую границу. За ним охотится, его пытается воспитывать пограничник, которого играет не менее замечательный комик Фернандель. Как только Фернандель во Франции близок к успеху, Тото перебегает в Италию, а от преследования в Италии он спасается во Франции. Эта смешная суета гиперболически выражается сценой: Тото опасливо бредёт по пограничной линии, оставляя её между ног, готовый в любой момент законно оказаться недосягаемым для закона в той или другой стране. Недосягаемым – потому что закон есть закон!

Происходящее воспринимается в России очень эмоционально – как громадный успех страны и как восстановление долгожданной справедливости по отношению к проживающим вне России называющим себя русскими, к их русскому языку, а также даже и к украинцам.

Многим в России по незнанию кажется, что украинцы ничем не отличаются от русских. Если же отличие допускается, то только в том, что они тупо не понимают счастья быть ведомыми Россией.

Бывавший не только на Крещатике, но и в сельской Украине не может не заметить разницы между русским и украинским народами, разве что он слепо-глух или вовсе не способен сделать выводы из увиденного и услышанного. Не вдаваясь в исторические дебри, хотя они очень важны, вспомним самое простое. Разве украинские песни, интонации украинской речи, украинские хутора, украинские наряды не отличаются от русских? Разве мистика ранних рассказов Гоголя свойственна русскому духу? А ведь всё это и отражает глубинную сущность национального характера. Он может нравиться или нет, но он другой, не русский.

Теперь о схожести языков. Наукой давно признано, что русский, белорусский и украинский языки являются тремя самостоятельными ветвями некогда единого языка восточных славян и расхождение этих ветвей началось минимум пять веков назад. Но даже их предполагаемая в России полная общность вовсе не означала бы общности народов и тем более не могла бы явиться причиной присоединения более слабой страны к более сильной. Вот пример. Австрия переживала в 1920-30-х годах кризис сознания в связи с поражением в первой мировой войне, потерей ею громадных территорий и вместе с ними статуса великой европейской империи. Но гитлеровский «канцлюс» (присо-

единение) рассматривается как акция преступная. Заметим, – преступная, хотя немцы и австрийцы говорят на одном языке, и аншлюс выполнен при бурном одобрении большинства австрийского населения. По окончании войны независимость Австрии восстановлена (её оккупация победившими союзниками прекращена после смерти Сталина).

Оставим эмоциональную сторону дела и обратимся к оправдательным фактам.

Аннексия Крыма оправдывается необходимостью восстановить попранную де справедливость путём исправления двух ошибок, которые часто обзывают пьяными глупостями. По поводу первой из них (говориться даже и о преступлении!) возвращаются на 60 лет назад, в 1954 год, когда под руководством Н.С. Хрущёва Крым был передан Украине. Об этой истории мы уже говорили, а теперь не лишни два вопроса.

Первый вопрос: почему, если ошибка прямо-таки очевидна, она не была исправлена гораздо раньше, когда Украина и Россия сосуществовали в одном государстве и татарам в Крым ещё не позволяли возвращаться? В то время обратная переброска Крыма была бы для четырёх следующих за Хрущёвым генеральных секретарей правящей партии не более сложной операцией, чем для Хрущёва. Получается, что они упорно пренебрегали «справедливостью» или в акте 1954 года не усматривали ошибки – по глупости или в столь длительном запое что ли? Получается, что только сейчас вдруг всепротрезвели-прозрели-поумнели. Как раз тогда, когда с точки зрения российских пропагандистов Украина стала недопустимо шалить и вдобавок ослабела, а с точки зрения российского лидерского круга возникла потребность в победах. Не так ли?

Второй вопрос: если взвалить на себя труд совестливо исправлять историю, почему бы не исправить подлинное безобразие и для этого не ограничиться возвратом назад только на 60 лет, а добавить ещё все-го-то 10 лет, вернуться в 1944 год, и восстановить автономную республику крымских татар? Ведь, собственно, в новейшей истории именно они являются в Крыму, так сказать, титульным народом. Для этого нужно принять официальный акт и его подкрепить тем, что помочь ещё, скажем, тысячам ста татар вернуться в Крым, предоставив каждой семье землю и тысяч по 200 долларов на обзаведение. Это обошлось бы всего миллиардов в 20 долларов – значительно меньше

того, что Россия недавно истратила на олимпиаду и во что обходится аннексия.

Вслед за Хрущёвым всячески клеймят поступок Б.Н. Ельцина, который в конце 1991 года мало того, что разделил СССР, но ещё хуже – не позаботился отпустить от России Украину налегке, без Крыма. При этом предполагают, видимо, что Ельцин был каким-то всесильным диктатором и мог делать, что угодно, любые глупости, а сопровождавшие его помощники были просто кретинами. На самом же деле, независимо от его властолюбия, его главным страхом был хаотический распад СССР, и его главной задачей, его сверхзадачей было предотвратить это. Потребовать же от украинского президента отдать Крым, как будто тот был волен оказать эту любезность, означало бы неминуемый срыв беловежского соглашения о мирном разводе, ведь на Украине только что прошёл референдум, уверенно одобравший её выход из СССР. Следом многочисленные подстрекатели (образец – бывший мэр Москвы Ю.М. Лужков), любители справедливости и авантюризма, подняли бы крики о взаимных претензиях бывших республик друг к другу, чем разожгли бы их военные столкновения, и, главное, столкновения трёх республик, в которых находились многочисленные армии, обладающие к тому же ядерным оружием. К счастью, три собравшиеся президента оказались достаточно разумны, чтобы не рассориться и не толкнуть свои народы на путь большой крови.

Завершая тему о политике по понятиям, упомянем пропагандистское оправдание всех трёх обсуждённых выше российских целий негодованием по отношению к хаосу в Украине, к разгулу там фашизма и антисемитизма, к притеснению не украинцев. Всё такое, конечно, в той или иной мере всегда имело место и теперь тоже, но отнюдь не только в Украине. Но почему это настолько сильно волнует российское руководство, что оно по этим чужим проблемам не обращается, например, в европейские правозащитные организации, а вдруг хватается за пистолет? И разве таких же и ещё более тяжёлых проблем ему мало в своей собственной стране и ему нечем заняться у себя дома?

Жёсткость окружающего мира, неумение преодолеть её смягчаются выигрышем нашей футбольной команды, нашей олимпийской победой или нашим лёгким владением Крымом. (Впрочем, почему всё это *наше*? Ведь видно, что играют совсем не «ребята с нашего двора».) Но эти утешения быстротечны, и, чтобы опять не впасть в отчаяние, потребуются новые порции наркотика. Нет сомнения, они будут доставлены; выбор широк, как в ближайшей лавке, так и в разных частях света. Однако же,

возникают периоды, когда хочется понять, что дало очередное утешение, кроме эмоциональной встряски. Дало вещественно и не только участникам побед, они-то своё получили, а именно нам всем.

Наконец, обсудим радости и печали, связанные с обладанием спорными землями. На поверку оказывается, что радостное обладание Крымом приносит России много неприятностей. Самое очевидное: затраты на вознаграждение пророссийских инициаторов и частично остального населения Крыма, сложности с теми, кто настроен проукраински, а также проблема организации доступа к Крыму и снабжения его многим, чего там нет. Чуть шире: международная изоляция Крыма и частично России со всевозможными технологическими и экономическими потерями. Компенсируется ли всё это полноценным обладанием военно-морской базой в Севастополе, – базой для флота местного значения, запертого в тесном Чёрном море?

Но может быть, акция достаточно хороша тем, что зато заметно наказывает непослушную Украину? В этом есть сомнения хотя бы потому, что в создавшихся условиях возврат Крыма Украине создал бы ей заботу понейтрализации пятой колонны, потребовал бы затрат на задабривание части смотрящего на сторону населения и возни вокруг российского флота в Крыму. Это замедлило бы важнейшие преобразования, начатые в Украине. Отторжение же Крыма даёт дополнительный импульс поддержке Украины со стороны Запада.

В результате, как ни цинично это звучит, как избежать впечатления, что реальная значимость Крыма сильно преувеличивается, причём и в России, и в Украине?

Что же касается полуразрушенного района Донбасса, то обсуждать его ценность вообще бессмысленно, так как он интересен лидеру России вряд ли иначе, чем инструмент дестабилизации Украины.

К краху мировой системы безопасности

С точки зрения права и мирного сосуществования государств, проходящее в Украине рассматривается как нарушение международных норм о невмешательстве в дела других государств, а в данном случае ещё и как пренебрежение конкретными обязательствами. Ведь за отказ от статуса ядерной державы и за передачу России своего довольно мощного ядерного вооружения Украина получила в начале 1990-х годов гарантии в отношении своей независимости и единства своей территории со стороны трёх ядерных держав: России, США и Велико-

британии. Под этим единством подразумевалось, конечно, и владение Крымом, а это-то и нарушено причём как раз одним из гарантов – Россией.

Несмотря на периферийность конфликта, он поставил перед другими гарантами сложный вопрос. Или от них требуется противодействие России, или они признаются, что их гарантии стоят столь же мало, как и гарантии России.

Это означало бы, что пропагандисты так называемого многополярного мира добились своего, т.е. добились возврата в XIX век, когда в Европе многополярно существовало пять-шесть военных держав приблизительно одного порядка. Они перегрызлись из-за мелочей и начали безобразнейшую мировую войну. Россия не выдержала той войны и сепаратно вышла из неё, практически капитулировала, а прекратилась война вступлением в войну США и Канады. В сущности, с тех пор и особенно наглядно со второй мировой войны США стали самой значительной и ответственной мировой державой, что и поддерживало относительный мир последние 70 лет.

Если обязательства станут пустыми бумажками и возобладает грызня многополярности мира, то это приведёт к краху всей послевенной мировой конструкции: окончательно обесценятся и ООН, и Совет безопасности, не говоря уж о системе частных гарантий. Тогда любое государство должно будет рассчитывать только на свои силы, для чего желательно обладать ядерным оружием устрашения, а это похоронит систему нераспространения этого оружия. Действительно, чем тогда оправдать сдерживание Западом ядерных устремлений Ирана и Северной Кореи? Как сможет поверить Израиль призывам США поступиться частью территории в обмен на гарантии безопасности со стороны США? Почём теперь стоят гарантии России в Закавказье и в Средней Азии?

Вероятно, дополнением к индивидуальной вооружённости, которая в полной мере неподъёмна для многих государств (и, вероятно, даже для Украины), становится вступление в НАТО. Такого ли результата ожидал лидер России от конфронтации с Украиной?

Итак, данный кризис поставил и перед Западом, и перед Россией очень трудные вопросы, далеко выходящие за рамки значимости Крыма и даже Востока Украины.

Нет никаких сомнений, что западные лидеры, западная общественность все эти опасности прекрасно поняли и поэтому не могут отсту-питься от поддержки Украины и от давления на Россию в сторону её ослабления с целью умиротворения. И Запад имеет для этого громадные возможности. Отсюда – дополнительное ухудшение перспектив

России. Хуже того, продолжение кризиса вовлекло бы Россию во второй тур холодной войны, в котором, заметим, она имеет ещё меньше шансов, чем СССР имел в первом туре.

Сумеет ли российское общество хорошо понять описанные факты и, пока трудности России не стали катастрофическими, как можно раньше позаботиться о прекращении действий против Украины.

Выше высказаны лишь некоторые предположения о развитии событий, однако кто знает, чем и как упрется народ Украины, её парламент (рада) и её руководство, на каких этапах будет выстраивать своё противодействие Запад, и, главное, – вовремя ли заметит перед собой стену лидер России, остановится ли перед ней? Как видно, мир пришёл к тому, что его спокойствие, может быть, само существование зависит от одного обиженного внешним невниманием человека, а он никому не подконтролен, ему, похоже, даже откровенно поговорить не с кем, кроме своей собаки.

Кто скажет, когда будет найден компромисс и в чём он будет заключаться? Одно ясно – данный кризис вывел мир на новый этап международных отношений, гораздо менее благоприятный, гораздо более жёсткий и опасный, чем период, склонявший к самоуспокоенности последние 30 лет. Этот поворот событий ещё раз напоминает, что прогресс не идёт сплошь под общие рукоплескания, на его пути расставлено много мин, и их приходится последовательно обезвреживать.

Добавление

За последние десятилетия Запад и Россия неоднократно влезали войсками в восточные страны: от Вьетнама до Ливии. Ни одна из этих операций не привела к успеху, зато многие привели ко всевозможным последующим несчастьям. Причина неуспеха – как будто удачно начатая операция не получает достаточно длительного продолжения и сворачивается задолго до желательного преобразования местного общества, а для успеха требовалась бы оккупация в течение двух-трёх поколений. Прекращается операция или из-за недостатка сил, или из-за невозможности выдержать преемственность политической линии в условиях демократической смены правительства.

С недавних пор могучая сложно выстроенная коалиция бомбит Сирию, где происходит самая сложнейшая многосторонняя гражданско-религиозная война, замешанная на нефти и подогреваемая извне. И вдруг в эту довольно безнадёжную историю врезалась ещё и Россия. Надо думать, сирийская история закончится, как и предыдущие колониальные истории, громким пшиком, а тем временем глубинный мотив России в неоконченной украинской истории – выше он не затрагивался – теперь выяснила сирийская: обе идут от желания оказаться в центре мировых событий и расшатать неудачно складывающуюся конъюнктуру. Что из этого выйдет – большой вопрос.